

Геннадий Прашкевич

Пожить в тени баобаба

Геннадий Мартович Прашкевич
Пожить в тени баобабов

предоставлено автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168439

Содержание

Эпидемия самоубийств: официальная версия	15
«Мы зачем революцию делали?»	26
«Материалы по „ПУЛЬСУ“ на стол!»	35
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Геннадий Прашкевич

Пожить в тени баобабов

Сунув руки в карманы длинного добротного плаща из светлой замши, привычно и удобно сидящего на широких плечах, Валентин свернул под кирпичную арку и хмуро огляделся.

Типичный питерский внутренний мощный двор...

Катафалк... Штук пять легковых машин... Столько же на улице... Возле катафалка люди в спецовках. Явно мортусы. Поплевывают, поглядывают на часы, дело привычное...

Рыжие кирпичные стены, пыльные окна...

Действительно самый типичный питерский двор – мощный, запущенный, голый, хотя, как ни странно, откуда-то под стены нанесло желтых листьев, а кое где упрямо бледнеет жалкая вырождающаяся трава.

Осень...

Полуденное солнце печально золотит обветрившийся и облупившийся кирпич, пускает над пыльными и скучными стенами призрачную поблескивающую паутинку.

Осень...

Не должно быть тут никакой, даже бледной, травы под голыми рыжими стенами, но ведь растет... Бледная, нежная... Рахитичная, но растет... Наверное, где-то перед стеной проходят трубы отопления.

Валентин недоуменно повел плечом.

Удивила его, собственно, не трава, чего в траве удивительного? – трава и зимой может прорасти на обогретом месте. Удивила Валентина желтая палая листва под голой стеной. Обычно в таких вот запущенных дворах сухую листву наматывает ворохами, но в этом дворе нигде, ни в каком его закутке не было ни одного дерева, даже самого захудалого.

Откуда же тогда заносит листву?

Впрочем, какая разница?...

Тяжело пройдя мимо стайки молча, но деловито покуривающих девиц, облаченных в светлые, длинные, по моде, плащи, Валентин толкнул двустворчатую облупленную дверь подъезда.

Все, что осталось от стародавней, даже от весьма стародавней роскоши – лестница.

Широкая мраморная лестница с истертыми поблескивающими ступенями, кое-где глубоко выщербленными.

Лак на деревянных перилах облез, стены, как везде, густо исписаны матом и известными восклицаниями.

«Цой – жив!», матерщина...

«Мы вас похороним!», матерщина...

Все как везде... Цой и, естественно, матерщина. Матерщина и, естественно, «Мы вас похороним!»

Кого нас?

Кто «мы»?

Тайна.

А хоронят...

А хоронят не каких-то там «мы», а Серегу!

Валентина опять как током ударило.

Братана!

Младшего.

Он поднял голову.

Вдоль всей лестницы до самой площадки узкой цепочкой стояли люди. В основном молодые. Крепкие, хмуроватые. Скорее всего, сослуживцы или приятели Сереги, и тех и других у него было не считано. Стиль общий – потертая джинса, кожаные куртки, плечи в разворот. Выделялись, понятно, девицы. Эти, даже покуривая, даже как бы не поднимая глаз, успевали осмотреть тайком каждого, успевали каждого оценить.

Валентин поежился.

– Позвольте...

Его пропустили и он вошел в раскрытую дверь квартиры, молча, не замечая быстрых, провожающих его взглядов. Он никого из присутствующих не знал, потому и не мог прицепиться ни к одному лицу. Может, здесь находился Сема Уткин, о котором Серега не мало рассказывал, но Валентин и Сему никогда не видел, только слышал о нем. Не станешь же у первого встречного спрашивать, кто здесь Уткин? Кто, дескать, здесь Сема Уткин, о котором мне рассказывал покойный братан?

Вообще, хмуро отметил Валентин про себя, вряд ли кто-то из собравшихся сегодня на похороны захотел бы при случае прикатить с Серегой к нему в Лодыгино под самый Владимир. Если честно, не тот у них тут вид. Не к тому привыкли. Если уж сам Серега за последние два года заглядывал к нему всего пару раз, ну, может, три раза...

Этим, подумал Валентин, интереснее скатать на «мерсе» в «Метрополь». Судя по виду да по машинам, с бабками у них нет проблем. Зачем им ехать в Лодыгино? Вот и получается, что никого он, Валентин, здесь не знает. И квартиру брата не знает. Серега въехал в новую квартиру год назад, Валентин так и не нашел времени выбраться не то что на новоселье, но даже просто в гости. Даже телеграмму о смерти брата кто-то прислал ему в Лодыгино без подписи. Вполне возможно, что один из присутствующих в квартире, только догадайся – кто?

Ладно...

Теперь не все ли равно?

Рука машинально потянулась к голове, но берет он уже снял. Еще в такси. Там же, наверное, и оставил.

Ладно...

Он чувствовал – на него косятся, к нему тайком приглядываются... Не удивительно... Наверное, бросается в глаза большое сходство с покойным... Один Серега лежит в гробу отрешенно, равнодушно, ни на кого не обращая внимания и нет улыбки на его тонких, искривленных болезненной гримасой губах...

Таким Валентин Серегу не помнил.

Валентин действительно не помнил, да и не мог помнить Серегу *таким*. Принципиально не мог.

Серега собирался жить долго.

Еще бы!

Он смеяться умел за троих, цитировал стихи, ссылаясь на классиков, заказывал костюмы в модных ателье, никогда не одевался в обычных магазинах, знал три языка, причем основных, а не украинский, к слову, или там белорусский, и, само собой, знал тысячи по-настоящему смешных анекдотов. Он умел сходу разговорить самого закоренелого молчуна, сбить с толку самую неприступную девицу. Никто не умел улыбаться так обаятельно и широко, как Серега, никто не умел так пышно и цветисто произносить тосты. Поставить на место хама? Нет проблем. Объясниться с разъяренной проводницей? Чего проще. Погасить без драки скандал? Пара плюнуть. Серега Кудимов умел все. А если уж драки нельзя было избежать, он никогда не прятался за чужие спины...

К черту!

Никогда ничего этого уже не будет для Сереги Кудимова, хмуро подумал Валентин. Никаких драк не будет, никаких баб не будет, не будет выпивки и приятелей.

Могилка.

Вот все.

Ну, память, конечно... Говорят ведь, что человек остается с нами, пока его помнят...

Или я что-то напутал?...

Кто, кроме его приятелей и сослуживцев будет помнить Серегу? И сколько они будут его помнить?

Валентин хмуро шевельнул бровями.

Кто-то из собравшихся должен, конечно, знать все детали последних дней Сереги.

«Выпал из окна гостиницы...» Так Валентину сказали по телефону. Кто-то из сослуживцев Сереги.

А что Серега делал в гостинице?

Как вообще можно вывалиться из гостиничного окна? Он, Валентин, например, не помнил ни одной гостиницы, окна которой бы просто так распахивались настежь.

Что-то тут было не так.

Обостренное чувство, присущее всем профессиональным спортсменам, подсказывало Валентину – что-то тут не так.

Вывалиться из окна гостиницы...

Как Серега, профессионал, знающий, все умеющий, мог вывалиться из гостиничного окна?... Как вообще можно вывалиться из окна?...

Ладно.

Размышления оставим на потом.

Случай есть случай.

Валентин знал по себе: бывают такие черные дни, когда ничто, кроме случая, не правит жизнью. Хоть ты лопни, хоть из шкуры выскочи, ничего не изменишь – правит твоею жизнью случай. И тут или уж повезло или не повезло.

Но Серега!

Какой у профессионала случай?... Какой случай, черт побери, может править профессионалом?... Вот он лежит, молчит, сжал узкие губы... Не смеется, не бренчит медяшками в кармане, не подшучивает: «Смелей, братан! Я теперь, братан, секрет знаю. Мне отпущена долгая жизнь».

Где он теперь, секрет долгой жизни?

Отрешенное лицо, нет ни тени улыбки на тонких искривленных гримасой губах.

А месяц назад...

Ну да, в августе...

Даже в конце августа...

Соседка варила варенье, правда, несколько запоздало, уже из последних ягод, но варила – из-за глухого забора доносились сладкие запахи... Не осень еще, но уже не лето... Невыразимое чувство... Печаль, нежное увядание, варенье варят... Что-то из детства...

Запомнилось.

Наверное, что-то все это означало там, в глубине души, вязалось с когда-то прожитым, потому и запомнилось.

А может, предчувствие...

Глухой деревянный забор, сладкий, запах варенья, в поросшем травой дворе белая «Волга»...

– Привет, братан!

Они шумно обнялись.

Бывший лейтенант госбезопасности, а теперь сотрудник некоего питерского предприятия «Пульс», кажется, совместного – советско-германского, свободный, не связанный никакими клятвами и присягами человек Сергей Кудимов! – вот он вылез из белой «Волги» шумно обнять старшего брата. Его лицо сияло, глаза лучились. На фоне провинциальной улицы и провинциального двора его глаза посверкивали, пожалуй, ярче, чем позднее лодыгинское солнце. Серега в Лодыгино выглядел человеком совсем из другого мира. В сущности, он и был человеком из другого мира. Отлично прикинут, все путем, на пальце массивный платиновый перстень. Но не это, конечно, отличало его от лодыгинцев, даже от старшего брата.

Серега был вообще другой.

Он был из другого, сильно изменившегося мира, совсем не из того, в котором жил он, Валентин.

– Живот подбери!

Это Серега ткнул его, конечно, для смеху. Валентин никогда не давал себе спуска, хоть сейчас на ковер. Попробуй найди жиринку. Потому и обнял Серегу, не отвечая на его шуточки:

– Прощаться?

– Прощаться.

– За бугор?

– За бугор.

– Надолго?

– Чего гадать? Там посмотрим, – Сергей хорошо засмеялся, показывая ровные белые зубы. – Там посмотрим, братан. Я, ты знаешь, прятаться в деревне не собираюсь. Мне хоть дворец построй, не уживусь в деревне. Мне жизнь нужна. Вечное движение. Голоса. Ну, ты ж знаешь!

– Почему прятаться? Почему в деревне? – удивился Валентин. – Вон Владимир под боком. Совсем не деревня. У меня там техникум. Ребята подрастают. Хорошие ребята, – зачем-то подтвердил он кивком. – Вот увидишь, я из них еще не одного чемпиона выращу.

«Техникум... Ребята...» – потягиваясь, с наслаждением поддразнил Серега. – Узнаю тебя, Русь...

Впрочем, он не собирался корить брата или спорить с ним.

Каждому свое.

К этому они пришли много лет назад и сами по себе.

– По маленькой?

– А чего ж! – Серега весело подмигнул. – И баньку, братан! Баньку, это прежде всего!

Так и было.

И по маленькой, и банька. А потом они еще повалялись на берегу озера. Погода позволила, Серега расслабился. Никогда, как в тот последний раз, он так много не говорил. Правда, Серегу не сразу поймешь – всерьез он говорит или в шутку? Я, дескать, братан, открыл секрет долголетия. Оно же – вечность. Вот еще месяц назад, братан, я ничего такого не знал, возился себе с компьютерами, и вдруг открыл! Простенький секрет, ну, совсем, в сущности, простенький, но секрет! Ничего вроде, на первый взгляд, необычного, как бы даже случайность, на первый взгляд. Ну, вроде вот как шел по дороге и подобрал валяющийся под ногами ключик... Правда, тот ключик...

Серега с наслаждением рассмеялся:

– Нет, братан, это не совсем простой ключик! Несколько волшебных цифирек на нем, и вся проблема – цифирь запомнить. С этим ключиком вход в будущее обеспечен. Не к баньке, не к деревне, не к этому озеру, братан, не к техникуму. Техникум и будущие чемпионы – это все, конечно, хорошо, но скушно. Вот как скушно, братан! Ты только посмотри! Вырас-

тишь пару чемпионов и все, жизнь прошла. А ты же еще на слонов не охотился, сумчатых не ловил. В Париже, знаю, бывал, и в Мюнхен летал, и даже в Чикаго, только ведь там с таких, как ты, с гордости Советского Союза, глаз не спускали. Не парижанки, – засмеялся Серега, – а свои... сумчатые! Ты, братан, еще не гонял голых баб по пляжам Таити, не летал на воздушном шаре над Африкой, не заглядывал в Лиму, а ведь это хрен знает где, чуть ли не на Амазонке! Вон как мир велик, а жизнь... Жизнь совсем коротка... Даже то время, что тебе отпущено природой, уходит черт знает на что. Ну, банька, ну, еще раз выпьешь на берегу этого озера, ну, даже вырастишь еще пару чемпионов... Скушно... Обидно... А я, братан, жар-птицу схватил... Я, братан, ключик нашел от будущего. С мелкими такими цифирками. Запомнишь их, и все. Делай, что хочешь. Можешь пшик превращать в золото, таитянок гонять по пляжам, баобабы выращивать в Лодыгино!

Серега сам изумился своим словам:

– Пожить в тени баобабов!

– Березка не устраивает?

– Уже не устраивает, братан, – засмеялся Серега. – Ну, никак не устраивает! Я родился под березкой, предполагается, что и лягу под нее, так почему не полюбоваться и баобабам? Хочу свободы. Хочу открытого мира. Почему мне какая-то березка должна застить мир?

– А что, застит?

– А то нет? – удивился Серега. – Ты вон каких знаменитых борцов по ковру валял, тебя генсек целовал в губы, а что в итоге? «Выращу пару чемпионов...» Тоже мне, жизнь! Мог бы все построить иначе. Мог бы сидеть сейчас не в Лодыгино, а в том же Париже. Ну, в Берлине, на крайний случай.

– Я непослушным был, – быстро сказал Валентин.

– Знаю, – Серега рассмеялся. – Да если бы и послушным был, что толку? Ну, получил бы казенную дачку немножко получше этой. И в более престижном месте. Что с того? Там та же самая банька, те же самые родные березки. Может, даже и техникум рядом.

Валентин нахмурился:

– А чем плохо?

Серега рассмеялся, откинувшись на траву:

– Вот и я не понимал, пока не сделал открытие.

– Знаю я эти открытия...

– Не знаешь! – возразил Сереге и уверенно сжал крепкий мощный кулак. – Если бы знал, не валялся бы на бережку озера, а держал бы весь мир в кулаке. Заметь, не деревушку под Владимиром, не техникум, не каких-то там предполагаемых чемпионов, а весь мир. И жил бы сейчас не под березкой, а в тени баобабов. И гонял бы не чужих коров, лезущих в огород, а голых таитянок по пляжу. И в Париж бы мотался без казенных соглядатаев и тогда, когда бы именно тебе, а не кому-то другому, этого захотелось!

– Да брось ты. Я у себя в Лодыгино...

Серега в отчаянье схватился за голову:

– Вот заладил!.. Ему про весь мир, а он про свое Лодыгино!

– Да о чем ты?

– Да про мир!

Валентин усмехнулся:

– Ладно, я тебе так скажу. Мир это, наверное, хорошо. Но сразу во всем мире жить нельзя. К тому же, все в мире на все похоже. И под Парижем, кстати, такие же деревеньки, как у нас под Владимиром, ну, может, более ухоженные. И такие же, кстати, растут под Парижем березки, как у нас. И я тебе скажу, ничуть не хуже жить под такими березками, чем под баобабам. И гонять девку Машку по берегу этого озера ничуть не скучнее, чем какую-то таитянку по пляжам. И открытия разные люди тоже делают, вот совсем, как ты. А потом все

равно приходит старость и оказывается – ничему и никому те открытия не помогают. Как прежде, качаешь мышцы, возишься со снарядами, делаешь пробежки, а тело-то устало, тело, извини, тебя не слушается. Тут и ключик с волшебными цифирками не поможет. Побежишь за голой таитянской бабой, а ноги заплетаются, а сама баба, оказывается, бежит вовсе не от тебя.

– Узнаю, узнаю... – усмехнулся Серега. – А сам туда же – «чемпионами сделаю!» Да кого? Своих придурков владимирских? В чемпионы они у тебя все равно не выйдут, условия у них не те. Выйдут они у тебя не в чемпионы, а в рэкетиры. Начнут и сюда, в Лодыгино, наезжать, чтобы, значит, прижать лодыгинских челноков. Нет и не может быть других вариантов у твоих предполагаемых чемпионов, сам знаешь.

Валентин нахмурился:

– Ребят не трожь.

– Не трогаю я твоих ребят... – Серега мечтательно уставился в небо. – Плевал я на твоих ребят... Я такое знаю, что весь мир можно перевернуть, братан... Без всякого рычага...

– Ключиком?

– Ага.

– С цифирками?

– Ага.

Они засмеялись.

Склон берега. Дымок костерка. Копченая рыба. Пиво.

Пива Серега привез два ящика.

– Мюнхенское, братан. Освежает мозги, промывает почки. И рыбешка тоже не просто рыбешка. Ее норвежские рыбаки коптят, ее и на столе королей можно увидеть.

– Ничего рыбешка, – одобрительно кивнул, попробовав, Валентин. – У нас Кирюха на Танковой коптит не хуже.

Серега счастливо захохотал:

– Ладно, братан. Убедил! В Лодыгино не хуже, чем в Париже!

Здоровый, веселый, Серега собирался жить долго. Сам ведь утверждал, что узнал какой-то секрет, подобрал к нему какой-то ключик. Цифирка за цифиркою подбирал, уже весь мир зажал в железный кулак – и голых таитянских баб, и африканских слонов, и баобобы, понятно.

А итог?

Вывалился из окна гостиницы.

Пьян был?...

Валентин вздрогнул.

Настенные часы протяжно отбили два удара.

Сразу с боем часов вошли в комнату молча, но уверенно, широкоплечие мортусы в мятых куртках. Четверо. Деловито прицелились к бронзовым ручкам. Богатый, однако, гроб у Сереги, друзья не пожалели, вдруг отметил про себя Валентин. Бронзовые ручки, резьба, защелки, фигурные выступы. Таковую красоту и под землю?...

Впрочем, почему под землю?

До крематория, а там...

Он не стал додумывать, а что, собственно, там. Не все ли равно, что там, если отчаливаешь не куда-нибудь за бугор, как собирался отчаливать Серега, а в вечность?

– Кто родственники? – обернулся на собравшихся бригадир. – Выносим?

Валентин кивнул.

– Берись, – приказал бригадир, и мортусы в куртках вцепились в бронзовые ручки.

– Погоди.

Валентин хмуро оттолкнул бригадира, присел между высоких табуретов и легко на плечах приподнял тяжелый гроб. Плевал он на выпученные глаза присутствующих. Какое ему до всех них дело? Медленно, как на разминке, выпрямился, поправил на плечах тяжелую ношу и сквозь сгустившееся изумленное молчание и разом порхнувшие в стороны недоуменные шепотки шагнул к широко распахнутой двери.

Кожаные куртки и длинные плащи изумленно прижались к ободренным стенам подъезда.

«Кто это?»

«А хер его знает. Может, братан. Похож».

«Ну, бык! Поднять такое!»

«Ты тише. Может, правда, братан».

Кто-то распахнул настежь двустворчатую дверь подъезда. Валентин по обшарпанной лестнице медленно, как в воду, вошел в плачущий рев траурного марша. Сразу было понятно, что играют не те лабухи, что каждодневно таскают жмуров. Профессионалы. У этих даже лица другие, прямо профессора из консерватории. А может, и правда профессора. Играли они от души, на разрыв сердца. Сереге бы понравилось. Серега уважал профессионалов. Сам был профессионал. Правда, жить хотел долго.

Гроб втокнули в катафалк. Бригадир уважительно провел по лицу ладонью, поморгал удивленно:

– Ну, ты...

И покачал головой:

– В детстве, небось, на убой кормили.

Валентин не ответил.

Кормили как всех. Нашел о чем говорить. Картошка да хлеб, правда, молока вволю. А за то, что выросли крепкими, тетке спасибо. Это она вырастила и Серегу, и Валентина – безотцовщина. Собственно, участок Валентина в Лодыгино и принадлежал раньше тетке. Хороший участок. Не одного, а всех пятерых может прокормить.

Плач трубы...

Дальний, нездешний...

Хорошие лабухи. Им бы самим преподавать в консерватории. Может, и преподают. От такой музыки жмур расплачется.

И орган...

Как орган?

Откуда орган в крематории?

Валентин обернулся.

Понятно, не орган, а магнитофонная запись.

Как в кино.

Концерт в крематории.

Крематорий...

Слово-то какое-то не человеческое, глиняное.

Магнитофонная запись.

Конечно, запись.

Кто бы догадался поставить в крематории орган?

Впрочем, Серегины кореша, судя по его рассказам, и это могли.

«Пульс». Совместное предприятие «Пульс». Хрен знает, чем занимается этот «Пульс». О своих делах Серега всегда помалкивал, даже с братом не делился делами. А его нынешние кореша... Вон они какие. Все один к одному. Все видом из будущего. Таким еще жить и жить. А вот Серега – все. Не уберется дурак Серега. Докопался до секрета долголетия и...

Ладно. Всем уходить. Одним под орган, другим под шорох дождя, какая, в сущности, разница?

Валентин остановился рядом с бетонным возвышением, что-то вроде простого подиума, на котором установили гроб, и не видел, как за спинами собравшихся, за молчаливыми кожаными куртками и длинными модными плащами, бесшумно распахнулась в стене узкая дверь. Невысокий плотный человек в строгом сером костюме, возможно, директор крематория, неторопливо осмотрел прощающихся. Глаза его были полны сочувствия. Рядом с ним бесшумно выпрямился, притворив за собой дверь, длинный сухой мужчина, возможно, администратор. Тоже оглядел собравшихся.

– А это? – вопросительно поднял брови директор крематория.

Администратор проследил направление его взгляда:

– Брат, наверное.

И повторил:

– Точно, брат. Очень уж похож на покойника.

Его слова прозвучали двусмысленно.

Директор крематория усмехнулся:

– Похож... Это ты хорошо сказал... Я как-то забыл о брате... Верно, был у Кудимова брат... И не просто брат, а чемпион!.. – директор со значением вздернул брови. – Только сюда-то он как попал?

Администратор пожал плечами.

– Узнал, наверное...

И похвалил:

– Здоров! Плечи, что надо. Виктор Сергеевич мне сказал, что он один поднял гроб. Без никаких. Поднял и все. И сам спустил к катафалку.

Директор крематория тоже пожал плечами:

– Гроб таскать... Говорят, у таких здоровяков всегда плохо с мозгами... Может, не те мышцы качают. А может, чего-то не хватает им в организме для постройки крепких мозгов.

И спросил как бы сам себя:

– А зачем ему мозги? Он не в шахматы играл, он катал борцов по ковру. Кто все-таки его сюда вызвал?

– Говорят, Анечка.

– Анечка? Вот дура! – удивился директор. – Это она зря. И он зря приехал. Зачем ему шататься по Питеру?

И распорядился:

– Сегодня же выдай ему урну.

Администратор развел руками:

– Да как сегодня? Вы же знаете, Николай Петрович, не получится сегодня. Гуськов запил. Вам докладывали.

– Скотина! – Николай Петрович облизал бледные губы. – Тогда завтра. Прямо с утра. Пусть Виктор Сергеевич этим займется.

И повторил негромко, издали внимательно разглядывая Валентина:

– Незачем ему шататься по Питеру.

– Кому? – не понял администратор.

– Кому, кому! Не покойнику же.

– Понял.

– То-то.

Еще раз издали оглядев Валентина, директор крематория неторопливо исчез в двери. Администратор прошел к подиуму:

– Будем прощаться?

Валентин кивнул.

Его широкая ладонь легла на скрещенные руки брата.

Вот она, вечность. Ни улыбки, ни тревоги, все путём, все покойно. Лежи, Серега. Не будет тебе больше таитянских баб, африканских слонов, не жить тебе в тени баобабов.

Защелкали блицы. В галогенных вспышках блеснул на руке покойного массивный золотой перстень.

И снова труба.

Нет, орган...

Какая, к черту, труба в крематории!

Сойдя по лестнице крематория, Валентин остановился у невысокой каменной оградки. Размял сигарету, закурил. Вообще-то он курил редко, но, получив телеграмму, купил в ларьке пачку «Мальборо». Он-то хорошо знал, что никакой вечности не существует. Даже сигарет на одну жизнь отпущено ограниченное количество. Выкурил свою норму, и все.

Он медленно курил и смотрел, как одна за другой отваливают со стоянки машины.

Толпа, разваливаясь на мелкие группки, всасывалась в «шестерки», в «девятки», в «вольво». Мелькнул пара зеленых «мерсов».

Не бедная, однако, толпа провожала Серегу. Для профессоров и знаменитостей, конечно, слишком молоды, да и откуда у профессоров «вольво» и «мерсы»?... Впрочем, и сам Серега... Всего-то бывший лейтенант госбезопасности, а жил вволю...

– Кудимов? Распишитесь, пожалуйста.

Валентин обернулся.

– Я администратор крематория. Вы уж извините, – сухие губы администратора сочувствующе сжались. – Из ценностей вашего брата. Вот, значит, перстень. Возьмите и распишитесь.

– Зачем это?

– У нас так принято. Все под расписку. А вам память о брате. Чтобы получить урну с прахом, приходите завтра с утра.

Добавил негромко:

– Сочувствую.

Ну да, урна...

До Валентина, наконец, дошло. Этот человек говорил не о чем-то там, а об урне с прахом Сереги. Утром он, Валентин, снова придет сюда, и ему, значит, выдадут урну.

– Спасибо, – тупо поблагодарил Валентин и, расписавшись, сунул перстень в карман. – У меня на утро билет. Но я, конечно, зайду.

– Если понадобится помочь с билетом, поможем.

– Что? – не понял Валентин.

– Я говорю, если вам понадобится помочь с билетом, ну, скажем, обменять на другой рейс, мы поможем.

– Спасибо. Я успею. Что мне тут делать?

– Это верно, – с непонятным облегчением заметил администратор, тоже закуривая. – Чужой город он и есть чужой. Вы ведь приезжий?

Валентин кивнул.

– Тем более... Дома, оно всегда легче...

Администратор бросил окурочек в урну и поднялся на крыльцо, уже не оглядываясь на Валентина.

Бросив и свой окурочек, Валентин медленно вышел за кованые металлические ворота.

– Эй!

Валентин обернулся.

– Эй, погоди! Ты слышишь?... – высокая белокурая девица лет девятнадцати, слегка нагнулась и, чуть подобрав полу длинного модного плаща, внимательно разглядывала сбившийся каблук. Правда, сбиться каблук не мог, сапог выглядел новехоньким. Да у таких девиц каблуки в принципе никогда не сбиваются, не носят они таких сапог.

– Эй, погоди... – не глядя на Валентина, повторила девица. – Ты ведь Кудимов? Я не ошиблась?

Валентин кивнул.

– Это я дала тебе телеграмму.

– Спасибо.

– Нашел за что говорить спасибо.

Девица выпрямилась и даже сплюнула от негодования:

– Ты что, дурак?

– Почему?

– Откуда я знаю? Так выглядишь.

И предупредила быстро, негромко:

– Ты, слышишь, не болтайся по Питеру. Ты сегодня же уезжай. Нечего тебе болтаться по Питеру, а то и тебе помогут...

– Что значит – помогут?

– Как это что?... Помогут... Ну, скажем, наладят в окно, как твоего Серегу...

– Подожди. Что значит – наладят?

– Сам догадайся.

Девица отряхнула плащ, хотя на плаще не было ни пылинки, и, направляясь к «шестерке», негромко добавила:

– Меня не ищи. Что могла сказать – сказала.

Николай Петрович, директор крематория, все видел. Он внимательно следил из окна за разездом. Не пропустил ни одной машины, отметил каждого человека. Естественно, увидел он и как бы замешкавшуюся у крыльца девицу.

Анечка, дура длинноногая, отметил он автоматически. У Сереги Кудимова был вкус... Был...

И подумал: вот ведь дура, вот ведь Анечка! Сперва телеграмму дала Кудимову-старшему, о чем ее никто не просил, а теперь что-то еще нашептала этому быку. Интересно, что нашептала? Ей бы бежать от Кудимовых, ей бы всех Кудимовых забыть сразу и навсегда, а она... Жалко, видать, стало Серегу... Не одну ночь вместе провели у служебных компьютеров... Вот, вот, вздохнул он, именно у компьютеров... Лучше бы проводили время в постели...

Постельные дела Анечки и Сереги Кудимова Николая Петровича несколько не интересовали, но ведь у компьютеров проводили они время... Много времени... И вместе... А это уже ой как нехорошо...

И подумал: дура Анечка. Ничего не поняла. Ей от Кудимовых нужно бежать как от пожара. И от мертвого Кудимова, и от живого Кудимова. Что ей, дуре, понадобилось от бывшего чемпиона?...

Обиженно моргнув, он поднял телефонную трубку.

– Хисаич? Здравствуй, родной. – Голос Николая Петровича прозвучал негромко и дружелюбно, но одновременно и строго. – Ты как там у меня, не застоялся?

И сдержанно похвалил:

– Ты у меня работающий мужик, Хисаич.

И, выдержав необходимую паузу, приказал:

– Ты вот что, Хисаич. Ты бери Игорешу и дуйте оба ко мне. Не то чтобы бегом, но и медлить не надо. Лады?

– Принято, – ответили на том конце провода.

Николай Петрович повесил трубку.

Вздохнул:

– Не надо тебе застаиваться, Хисаич.

Эпидемия самоубийств: официальная версия

«Слышишь, не болтайся по Питеру... Сегодня же уезжай... Нечего тебе болтаться по Питеру, а то и тебе помогут...»

«Что значит – помогут?»

«Как это что?... Помогут... Ну, скажем, наладят в окно, как твоего Серегу...»

«Подожди. Что значит – наладят?»

«Сам догадайся...»

Станный разговор.

Валентин ничего не понимал.

Вывалился в окно... Ему сказали, что Серега вывалился в окно... И вдруг такое... «И тебя наладят...»

Надо было остановить девицу. Не остановил. Ищи ее теперь! Да она ведь и шепнула, как приказала: «Меня не ищи. Что могла сказать – сказала».

Валентин удивился тишине обычно шумного гостиничного холла.

Пусто, как на перроне глухого провинциального вокзала, от которого час назад отошел поезд. Взлохмаченный длинноволосый грузин, как ни странно, терпеливо прикорнувший в кресле под такой же, как он, взлохмаченной серой пальмой, только подчеркивал пустоту. Да еще растерянно озирался, наклонившись к стеклянному окошечку администраторши здоровенный парень в черной кожаной куртке.

– Мамаша, – растерянно озираясь, неуверенно бубнил парень. – Да мне хоть в коридоре. Мне на одну ночь. У меня с завтрашнего утра броня. У вас же и буду жить. Я спортсмен, мне выспаться надо.

– Вот с утра и выпишься, – непреклонно ответила администраторша. – У меня три туристических группы, англичане прилетели, союзная конференция, и специальные гости. Каждый номер на контроле. А спать в коридорах гостиницы не положено.

– Так завтра же у меня броня!

– Завтра и приходи. – Голос администраторши звучал совсем по-мужски, твердо. И курила она папиросу, по-мужски зажав в уголке рта. – И не зови меня мамашей. Тоже сынок!

Обычная сцена.

Валентин даже не усмехнулся.

Вспомнил, как по молодости сам скитался по гостиницам и домам колхозника, случилось, что и в коридорах спал. И бубнил растерянно, совсем как этот парень: мамаша, мол, да мне только до завтра. А ему, совсем как этому парню, так же вот и отвечали: да у нас тут три конференции, у нас тут интуристы, специальные гости, каждый номер под контролем, катись, мол, сынок, пока не вызвали милицию!

А парень ничего, накачанный парень.

Перехватив удрученный взгляд, Валентин кивком подозвал парня.

Тот нехотя подошел.

– Качок?

– Бодибилдинг, – ответил парень с некоторой неожиданной ноткой высокомерия. Или гордости. Но сразу усталился заворочено, растерялся, как бы узнавая Валентина.

– Откуда?

– Из Липецка.

Щеки парня вдруг запылали – узнал!.. Взгляд пронзительно голубой, на лоб падают русые прядки. Огромный парень, но цельный, хорошо ладно скроенный. Как броненосец. И с изяществом броненосца. Да и как иначе, если бодибилдинг, если сам себя вырастил, если, в сущности, сам себя придумал?

– Из Липецка, – повторил он. – У нас секция. Ну, борьба, атлетика. А бодибилдинг, это так. Просто мне Шварц всегда нравился.

– Показательные выступления?

– Ага. Только я на день раньше приехал. Интересно. Питер же. А теперь хоть на вокзале ночуй, я же тут никого не знаю.

Валентин усмехнулся:

– Погоди с вокзалом.

– А что?

– Погоди, говорю, с вокзалом. И поменьше спрашивай.

Повел плечом:

– Двигай за мной.

– Куда? – насторожился парень.

– Двигай, я сказал.

Неуверенно пожав развернутыми плечами, туго обтянутыми кожей куртки, парень двинулся за Валентином. Несмотря на вес, на мощь, чувствующуюся в каждом движении, парень шагал легко, даже элегантно. Как бы даже пританцовывал слегка. И все пытался сбоку заглянуть в глаза Валентина.

– Звать как?

– Серега.

Валентин даже приостановился:

– Серега?

До него вдруг дошло – двигал им вовсе не альтруизм. «И тебя наладят в окно, как твоего Серегу...» Раздумья всегда давались Валентину с трудом. Он предпочитал действовать, не любил раздумий. Раздумья, не его это было дело. Вот и тащил к себе первого встречного, боялся остаться наедине с собственными неповоротливыми мыслями. «Не надо тебе болтаться по Питеру... И тебя наладят в окно...» Он чувствовал какую-то неопределенную, но в то же время вполне реальную опасность. Не понимал, от чего или от кого может исходить опасность, но ощущение было резким, острым.

И еще это имя...

– Ага. Серега. – Парень искательно улыбнулся, будто подтверждая сказанное. – А вас?

– Валентин Борисыч.

– Ну, точно! – вспыхнул парень. – Кудима!

И спохватился:

– Ох, извините, Валентин Борисыч! Это мы все вас так зовем. До сих пор так зовем. Кудима! Привыкли.

И заторопился:

– Я вас сразу узнал! Я ведь сколько раз видел вас на ковре!

– Не мог ты меня видеть на ковре. Когда на меня смотрели, ты, наверное, еще мал был.

– Да видел, видел! – парень забежал сбоку, искательно пытался заглянуть в глаза Валентину. – Нам тренер всегда крутит учебные фильмы. У него половина всех фильмов про вас. Тренер у нас не слабый – Горский Василий Андреевич. Сам выходил на ковер. Может, слышали? Он, правда, не долго боролся, сошел по травме, зато вот такой мужик! Все знает о борьбе. Фильмы показывает, альбомы. У него ваших фотографий тьма!

И засмеялся, вспомнив:

– Мы все фильмы про вас смотрели. Ловко вы сделали тогда Берлу, а потом Райкова!

– Когда это было...

– При чем здесь когда?

– А при том.

Они поднялись на пятый этаж.

– Ольга Николаевна, – Валентин, улыбнувшись, подошел к дежурной по этажу. – Тут дело такое. Парень приехал на показательные выступления, а броня у него только с завтрашнего дня. Правда, здесь, в вашей гостинице. Пусть он сегодня переночует у меня. Можно?

Дежурная, поправив сбившийся на плечи светлый пуховой платок, оторвалась от вязания. За толстыми стеклами очков туманились глаза. Дежурная как бы не видела Валентина, она все еще была в миру своих каких-то далеких мыслей, но потом туман растаял, пришло подобие понимания и, положив руки на стол, дежурная спросила:

– Брат?

Валентин промычал что-то невнятное.

– Да вижу, вижу, – дежурная одобрительно смерила взглядом ладные фигуры постояльцев. – На одну ночь?

– На одну ночь, Ольга Николаевна. Только на одну ночь. Мне можно верить.

– Все так говорят.

– Мне можно верить, – повторил Валентин, незаметно подкладывая ей под руку крупную купюру.

– Ладно, – смиростивилась дежурная. Непонятно, то ли Валентин ей кого-то напомнил, то ли она еще не вырвалась из каких-то собственных воспоминаний, навеянных вязанием, но вела себя дежурная несколько необычно. А, может, характер у нее был такой. – Пусть твой парень пройдет со мной, я ему выдам белье, раскладушку. Только доплату сразу, – она, казалось, не заметила выложенную на стол купюру. – А условие одно: белье и раскладушку сдать до восьми утра. Я дежурю только до восьми. И, само собой, никаких пьянок.

– Да ну, какие пьянки! У меня завтра показательные выступления! – обрадовался Серега.

– Вот и сдать белье утром.

Мгновенно развеселясь, Серега элегантно, как хорошо обученный слон, прогулялся за Ольгой Николаевной, принес в номер белье и раскладушку и тут же заглянул в душевую:

– Можно?

– Давай.

Серега, радуясь, как ребенок, пустил в душевой воду и тут же разделся, несколько не стесняясь Валентина. Каждая мышца так и играла. Серега действительно не только не стеснялся, напротив, он гордился своим телом.

– Во! – поднял он руку.

Послушно заходили под кожей бугры мышц.

Оставив дверь полуоткрытой, Серега смешно басил из душевой:

– Валентин Борисыч, а вы почему ушли из спорта? Почему оставили борьбу? Вы бы ведь и сейчас всех делали.

– Я не бросил. Я детей тренирую.

– Ну, детей... Я ведь говорю про большой спорт. Почему вы на олимпийских не выступали? Москва ведь, не Сеул. Вам в восьмидесятом все олимпийские медали заранее отдавали, спору не было. Вы же один были такой, а вы... Без вас нам и бронза не светила.

– Ну да. А в полутяжелом?

– Подумаешь, в полутяжелом, – возразил Серега. – Зато и в легком, и в полусреднем, и во втором среднем – везде облажались... Без вас кто мог? Вот и получилось: два венгра, грек, кажется, румын и, понятно, Райков... А уж кому было, как не вам, ломать Райкова.

Ломать... Все сейчас вызывало в голове Валентина одну ассоциацию... «И тебя наладят в окно...»

Он чисто машинально откликнулся:

– Могли мы взять медали.

Но объяснять ничего не стал. Что он поймет, Серега из Липецка, о тех временах?... Восьмидесятый год... Когда это было?... Другая эпоха... Это уже для всех история...

Но неугомонный Серега снова выглянул из душевой:

– Вот удивится Василий Андреевич. Как, скажет, ты, Серега, с самим Кудимой, то есть с вами, Валентин Борисыч, разговаривал?!

Басил радостно из душевой:

– Мне Шварц нравится. Я все фильмы смотрел со Шварцем. Я и в радиотехникум поступил ради борьбы, там сильная секция. У нас тренер путёвый, я уже говорил вам – Горский. Не помните такого?

Почти не слушая Серегу, Валентин подошел к окну и закурил.

Многомиллионный город... «Не ищи меня!..» Мало ли что заявит такая девица?...

Да нет, подумал он, как раз такие девицы зря не треплются. Раз сказала, значит, что-то знает... А раз знает, с нее и надо начать...

Он сам удивился своим мыслям.

Что начать?

Брат умер. Как это случилось, вряд ли теперь узнаешь.

Разве что поговорить все-таки с девицей?... Обменять билет не проблема, помочь обещали даже в крематории. И гостиницу продлить при деньгах не проблема... Надо, надо, наверное, подумал Валентин, задержаться на пару дней... А то что получается? В окно наладдили?... Как это наладили?... Драка?... Надо, конечно, сходить в тот же «Пульс»... Приятелей у Сереги было не мало... Кто-нибудь найдется... А там...

Там посмотрим.

– Я всех видел, кого вы валяли по ковру, Валентин Борисыч! – басил из душевой Серега. – И Берлу, поляка, и Пикилидиса, грека. И, конечно, Дворжака, чеха. И этого югослава... Ну, с таким армянским именем... Рафик, кажется...

– Рефик, – рассеянно подсказал Валентин. – Он полутурок. По крайней мере, отец его был турком.

– Валентин Борисыч, – басил из душевой счастливый Серега. – Почему вы все-таки не вышли тогда на ковер? Я имею в виду олимпийские. Понятно ведь было, не выиграет Балбон у Райкова! А вы могли. Почему тогда вышел на ковер Балбон, а не вы?

– Спроси у тренера.

– Я спрашивал, – Серега вдруг замялся, как тюлень зафыркал сквозь шум льющейся воды. – А он что-то темнит... Я ему не верю... Он хороший мужик, но что-то темнит... Вроде вы тогда с Куделей перед самыми играми, ну это... Вроде как нарушили... Режим, значит... Это правда?

И крикнул:

– Это правда?

– Нет.

Сергей обрадовался, снова зафыркал:

– Я так и думал. А тренер у нас путёвый, это точно, нам повезло. Вы на него не сердитесь, у нас ведь многие любят трепаться. Да и мало ли что кто говорит. Вечная история. Один сказал, другой приврал, вот и поехало. А Василий Андреевич настоящий тренер. Он в меня верит, – судя по чуть изменившейся интонации, Сергей явно привирал. – Он так прямо при всех говорит, ты, мол, Серега, молодец, я из тебя, Серега, сделаю чемпиона.

Шварца он из тебя сделает, подумал Валентин, и снова в мыслях вернулся к странной девице.

Боялась девица. Невооруженным глазом видно, что боялась. Даже говорить боялась. Сделала вид, что рассматривает сапог... Но ведь при этом дала все-таки телеграмму... Если бы не ее телеграмма, я бы и сейчас ничего не знал, сидел бы в своем Лодыгино...

Может, и к лучшему, хмыкнул он.

И прислушался, приходя в себя.

Сергеа безостановочно бубнил в душевой. Да чего ж это, Кудима?... Чего такое случилось-то? Чего ж ты, Кудима, великий борец, надежда страны, не выступил на олимпийских?...

Какое это сейчас имеет значение, усмехнулся про себя Валентин.

«И тебя наладят в окно...»

Кто наладит? С какой такой стати? Почему? Что, в конце концов, случилось с Сергей?...

«Помогли твоему братцу...»

Похоже, впрямь помогли... Надо, надо задержаться... Надо, надо порыть, поискать неизвестных помощников...

А где рыть? Кого искать? У меня и билет на утро.

– Вот повезло! – счастливо басил Серега из душевой. – Всем ребятам расскажу, что весь вечер провел с Кудимой. Так всем и скажу, дескать, не спился Кудима, не слушайте, пустой треп. Скажу, нынче Кудима детишек тренирует. Мы, может, еще приедем к вам посмотреть на ваши тренировки. Вы ведь разрешите, правда. А то ведь, знаете, всякое говорят...

– Кто говорит? – не понял Валентин.

– Да кто... Известно, кто... Сплетники. Трепуны. Вранье всякое... Теперь-то я сам точно вижу – вранье... Спился Кудима, дескать, треплются, попал в психушку... А другие того лучше, служит вышибалой Кудима, дескать, то ли при баре в Москве, то ли при бане в Харькове... А то еще говорят, что уехал Кудима в Ташкент, связался с черными, анашой торгует...

Валентин аккуратно загасил сигарету:

– Ты сегодня обедал, разговорчивый?

– Мороженое ел! – восторженно зафыркал в душевой Серега. – Пять эскимо! Я весь десяток могу!

– Для тебя не много, – хмыкнул Валентин. – Ладно, освежайся. Я спущусь в буфет, поесть все равно надо.

– Валентин Борисыч, я деньги отдам.

– Нашел, о чем говорить.

– Валентин Борисыч, – мокрый Серега выглянул из-за двери. – Это у вас что?

В вытянутой руке он держал зеленый аккуратный баллончик.

– Крем для бритья.

– Немецкий?

– Ага.

– Я попробую?

– А что тебе брить?

Сергеа провел рукой по гладкому мокрому подбородку и пробасил значительно:

– Ну как... Щетина!

Валентин усмехнулся:

– Ну, коль щетина... Бритва там же, на полочке... Только осторожнее, я всегда бреюсь опасной... Это подарок... Теперь таких не найдешь...

– Да ну! У меня отец такой бреется.

Валентин вышел.

Дверь запирать он не стал, а дежурная даже не взглянула на него – подсчитывала петли.

Лифт оказался занят.

Ну и черт с ним! Валентин не стал ждать.

Он спустился на полпролета, когда наверху послышался шум, а потом щелчок остановившегося лифта. Хотел вернуться, но усмехнулся и просто махнул рукой. Куда торопиться?

Отвлекаясь от мыслей, подумал о разговорчивом парне, принимающем душ.

Славный, похоже, парень, и сила есть. Молод, верит в Шварца. Вот бы с кем ему, Валентину, повозиться, поучить делу, данные у парня, кажется, есть. Подумал не без ревности: тоже мне Шварц! У нас своих Шварцев всегда было достаточно. Тот же Райков. Чем хуже? А Шамиль? А Вахтанг? А Жаксылык? В команде, впрочем, Жаксылыка все звали Жаком. Попробуй выговорить – Жаксылык. Да и Балбошина для простоты звали Балбоном. Как его – Кудимой.

«Помогли твоему братцу...»

Действительно странно... Нелепо даже... Сергей и – выпасть в окно!.. Кому угодно говорите такое, только не ему, Валентину. Уж он-то знал Серегу. Серега никогда бы не полез ни в какое окно, тем более, в гостиничное, не те у него были взгляды. Серега, собирался жить долго.

Ладно... Я тоже считал, что буду долго жить в спорте.

Ладно.

Начинать надо с девицы.

«Не ищи меня!..»

Найдем.

И надо заглянуть в этот «Пульс», внимательно присмотреться к приятелям Сереги. Были же у него приятели. Тот же Уткин с маршалским именем. Семен Михайлович! Его точно Сергей, смеясь, называл народным маршалом. Кстати, с Уткиным Серега и собирался лететь за кордон.

«Помогли твоему братцу...»

Томила душу.

В буфете было пусто. Валентин взял круг колбасы, булку хлеба, пепси-колу. Чай или кофе можно заказать у дежурной. Не вызывая лифта, поднялся на свой этаж. Дежурная, похоже, прикорнула. Все так же сидела над вязаньем, уронив голову на грудь. Валентин хотел окликнуть ее, потом пожалел. Пусть поспит. Сделать кофе дело недолгое.

Толкнул незапертую дверь:

– Серега.

Вода в душевой по-прежнему лилась ровно и шумно, но парень не откликнулся.

– Ты что там, уснул?

Бросив продукты на стол, Валентин коротко постучал костяшками пальцев в приоткрытую дверь душевой:

– Серега! Заканчивай.

Серега не ответил.

Валентин рывком открыл дверь.

Вода лилась ровно и плотно. Втягиваясь в сток, она закручивалась в воронку, почему-то розоватого цвета. Русский Серега из Липецка, как кит, выброшенный на мелкое место, безвольно привалился спиной к кафельной, блестящей от влаги стене. Его подбородок, как бородой, был окутан мохнатой белой пеной, а в левой откинутой руке была зажата опасная бритва Валентина. Вид изумленный, но нисколько не испуганный.

И пулевое отверстие во лбу.

Кровь из раны почти и не шла. А та, что все-таки выступала, тут же смывалась брызгами.

Отшатнувшись, Валентин резко обернулся.

Никого!

Он обшарил весь номер.

Ну да, уходя, он не запер за собой дверь, а из-за шума воды Серега мог не услышать, как кто-то вошел в номер. А если и услышал...

Кто мог войти в номер, кроме него, Валентина?...

Он вдруг вспомнил. Когда он спускался по лестнице в буфет, слышался щелчок остановившегося лифта. Возможно, тогда-то и вошли в номер.

Никого.

Никаких следов.

За окном шум машин, потоки людей, толпы и толпы. Там даже не тысячи людей, а миллионы и миллионы. Кому понадобилось стрелять в лоб какому-то парнишке из Липецка?

Не в парнишке дело, Валентин, сказал он себе. Застрелить хотели не парнишку, а тебя. Это не в Серегу из Липецка, это в тебя стреляли!

«Не надо тебе болтаться по Питеру...»

Ведь, кажется, так сказала девушка.

«А то и тебя наладят в окно...»

К тебе, к тебе, Валентин, приходили! Серега из Липецка попал под пулю случайно.

Но кто стрелял? Почему?

Он жадно закурил.

Охотились на него, это ясно. Пришли в гостиницу, чтобы пристрелить его. Без всяких хитростей. Чтоб, значит, не болтался по Питеру. Стреляли в упор, в душевой тесно. Серега из Липецка густо намылил щеки и подбородок, угадай с первого взгляда, что это не бывший борец Кудима. Даже дежурная по этажу спросила: «Брат?» Стрелявшего можно понять. Кто, собственно, мог бриться в номере Кудимова?

Машинально, еще не отдавая отчета в своих действиях, Валентин накиннул на плечи куртку застреленного Сереги. Куртка пришлась как раз в пору. Выгреб из своего плаща деньги, забрал носовой платок. Взять паспорт? Да ну, к черту! Пусть остается. Пусть те, кто стрелял, те, кому это понадобилось, считают пока, что убили его, Кудимова. Вряд ли сразу разберутся, кто, собственно, убит. А он получит некоторый запас времени... Времени всегда не хватает, а значит, не лишне иметь некоторый запас... Валентин еще не знал, как использовать этот некоторый запас времени, но каким-то шестым чувством чувствовал – этот запас, он ой как ему скоро понадобится...

И быстрее из гостиницы!

Преодолевая странный, внезапно нахлынувший на него страх, порожденный, скорее всего, непониманием происходящего, Валентин дотянулся до опасной бритвы, зажатой в руке Сереги. Бритву ему в свое время подарил Райков. Редкий подарок. Не хотел никому оставлять бритву. Сунул в нагрудной карман куртки.

К черту!

«И тебя наладят в окно...»

Пыльная всклокоченная терпеливая пальма...

Все тот же терпеливый всклокоченный грузин, окончательно погрузившийся в дремоту...

В холле гостиницы ничего не изменилось.

Никем не замеченный, Валентин вышел на улицу и пересек ее, направляясь в крошечный бар, расположенный как раз напротив гостиницы.

Народу в кафе было немного. Человека три за стойкой, человек пять за столиками. Негромко играла музыка.

Попросив кофе, Валентин устроился за отдельным столиком в углу у окна, выходящего на гостиницу...

Что дальше?

Надо прямо сейчас обдумать, что дальше?

Внезапные похороны... Незвестная девица, незаметно предупредившая его – уезжай из Питера... Значит, она знает больше, чем он думает... Отсюда и выстрел в гостинице...

Но кто стрелял? Почему? Кому он, Валентин, мог встать поперек дороги?

Ответов не было.

И не могло быть.

Так Валентин сидел почти час, пытаясь собрать мысли воедино.

Ничего не получалось.

Он ничего не понимал.

Он просто ощущал некую вполне реальную опасность. Он просто чувствовал, что он влип в какую-то весьма серьезную историю. Но и все. Ничего больше. Он даже никаких выводов не мог сделать. Не из чего их было делать. Не было у него никаких зацепок.

Бармен, перетиривший бокалы, вдруг глянул в окно, бросил полотенце и включил телевизор.

– Смотри, – сказал он кому-то из сидящих за стойкой. – Телевизионщики приехали. Ну, коршуны! Везде успеют.

И указал кивком за окно.

К гостинице действительно стремительно подкатил японский микроавтобус с яркой красной надписью, растянувшейся по всему борту: «TV – Криминальная хроника».

– Чего им там надо?

– А я знаю?

– Наверное, жареное учуяли.

– Они чуют. У них тот еще нюх, – откликнулся бармен. – Ну, точно. Смотри, менты подкатили!

Валентин насторожился.

Со своего места он хорошо видел гостиницу и две милицейских машины, припарковавшихся возле телевизионщиков.

– Что-то я не помню, чтобы они тут ездили парами, – переговаривались сидевшие за стойкой.

– Да ну!

– Что да ну?

– А ты посмотри!

Кто-то удивленно присвистнул:

– Это же скорая... Кажется, что-то серьезное... Сразу двое носилок... Угорели они там, что ли?

– Кой угорели! Какая-нибудь разборка.

– И разборка может быть... Какие проблемы?... В этой гостинице уже стреляли. Помните дело с тамбовцами?...

– С какие тамбовцами?

– Ну, как? Коля-каратэ. О тамбовцах много писали. Коля-каратэ тут и стрелял. Говорят, был крупный авторитет. Говорят, в «Коелге», когда Коля-каратэ туда приезжал, перед ним вставали как перед генсеком.

– Не понял.

– И не надо, – сказал бармен, закуривая. – Говорят, Коля-Каратэ был не простой мужик. Он водку не жрал и кофе не хлебал чашками. Зато всегда был нацелен на энергетический удар. Поднимет на тебя глаза и – привет! – нос у тебя сломан. Такой человек.

– Так бандюга ж?

– Ну и что, – ухмыльнулся бармен. – Бандюги нынче не дураки.

И посмотрел в окно:

– Долго копаются.

Как бы услышав бармена, отвалила от гостиницы «Криминальная хроника».

Почти сразу с воем ушла в сторону Литейного скорая.

Милицейские машины остались, тревожно помаргивая мигалками.

Кто-то входил в кафе, кто-то выходил, зажглись огни, постепенно сгущался вечер, а Валентин все так и сидел как бы в некоей полудреме, в неких полумыслях – а с чего, собственно, начинать? и что, собственно, начинать? чего он, собственно, хочет? Может, Серега действительно случайно попал под пулю? Может, не его, не Валентина, искали в номере? Может, под пулю действительно должен был попасть какой-нибудь местный авторитет? Ну, ошиблись номером... Пришлось стрелять... Ведь медики из гостиницы вынесли два трупа... Вот именно! Два!.. Значит, был кто-то второй?...

Кто?

Валентин этого не знал.

А еще эта девица? – вспомнил он. Девица предупреждала меня. Девица предупреждала именно меня?...

Нет, стреляли в него, пришел он к выводу. В него, в него. Ни в кого другого. Это случай, что угодили в Серегу из Липецка. Эх, Серега... Не повезло тебе, Серега... Не быть тебе ни Шварцем, ни чемпионом, Серега...

Бармен включил телевизор.

Видимо, специально дождался «Криминальной хроники». Хотел, наверное, узнать, что там случилось в гостинице напротив. Даже поудобнее присел на высокий табурет, пользуясь затишьем в баре.

Пошла заставка, потом деловито улыбнулась с экрана Татьяна Уткова. Деловито улыбнулась, без этого обычного кокетства, присущего большинству дикторш, особенно популярных.

– Добрый вечер. В эфире «Криминальная хроника», – деловито заговорила Уткова. – Начну с последнего прогноза доктора-психиатра Хаснуллина. Его прогноз, к сожалению, оправдался. Если помните, – напомнила Уткова, – еще на прошлой неделе доктор Хаснуллин предупредил, что из-за стечения некоторых неблагоприятных факторов в нашем городе в ближайшее время следует ожидать резкого возрастания количества самоубийств. Так и случилось. Не буду приводить цифры, но можете поверить мне на слово, тенденция не только тревожная, но, в некотором смысле, ужасающая. Ко всему прочему, отдельные самоубийства вызывают, как и у нас, так и у компетентных органов, вполне оправданные сомнения. Например, сегодня без всяких видимых причин выбросилась в окно многоэтажки некая Анна К., двадцатилетняя служащая совместного советско-германского предприятия «Пульс». По предварительным данным, Анна К. выбросилась из окна своей двухкомнатной кооперативной квартиры, расположенной на восьмом этаже. Настораживает то, что, готовясь к самоубийству, Анна К. почему-то гладила белье. Может, мысль о самоубийстве пришла к ней неожиданно. По крайней мере, Анна К. даже не успела выключить электрический утюг...

– Вот дура! – прокомментировал бармен, но Валентин никак не отреагировал на его слова. Он увидел на экране обезображенное ударом лицо девушки-самоубийцы, и сразу узнал погибшую.

Это она предупредила его – не болтайся, мол, по Питеру. Боялась, что его, как брата Серегу, наладят в окно. А наладили, выходит ее.

Анна К.

Значит, ее звали Анна.

Знала, наверное, об опасности, хорошо понимала опасность, иначе не предупредила бы: «Не ищи меня!..»

И телеграмму давала она...

– В этой связи вспоминается и другой случай, произошедший несколько дней назад, – деловито продолжала ведущая «Криминальной хроники». – Некий Сергей К., служащий того же самого совместного советско-германского предприятия «Пульс», будучи нетрезвым, выпал из окна гостиницы морского вокзала...

Уткова, деловито улыбаясь, смотрела, казалось, прямо на Валентина:

– Если так пойдет дальше, – деловито улыбаясь, покачала она головой, – то по числу подобных странных самоубийств мы скоро запросто обойдем Москву слепопутчевого периода...

Валентин встал и бросил на стойку деньги.

– По нашим данным, – продолжала Уткова, – сегодня днем в гостинице «Невская» произошло двойное убийство...

– Вот! – обрадовался бармен. – Вот!

– Жертвой неизвестных убийц или одиночного убийцы, это пока неизвестно, оказался молодой человек лет двадцати-двадцати двух, застреленный выстрелом в упор в голову, и дежурная по этажу Ольга Николаевна Б., пятидесяти семи лет, смерть которой наступила в результате перелома шейных позвонков. Скорее всего, дежурная по этажу просто оказалась невольной свидетельницей преступления. Очевидцев случившегося нет. В плаще убитого обнаружен паспорт на имя Кудимова Валентина Борисовича, пятьдесят четвертого года рождения. Именно этот гражданин снимал номер, в котором произошло убийство, однако старшая администраторша гостиницы утверждает, что убит вовсе не их жилец. Она утверждает, что гражданин Кудимов выглядел старше и она видела жертву и гражданина Кудимова вместе в холле гостиницы незадолго до разыгравшейся в номере трагедии. Мы, разумеется, не собираемся подменять следствие, – деловито улыбнулась Уткова, – однако будем благодарны всем, кто поможет нам пролить свет на случившееся. Приметы гражданина Кудимова, если действительно застрелен не он, такие. Рост примерно сто девяносто сантиметров, атлетическое сложение, глаза серые, взгляд исподлобья, всегда серьезен, даже хмур, нетороплив в движениях. Хочу добавить, что кем бы ни было совершено преступление, преступник может считаться очень опасным... Итак, ждем ваших звонков...

– Хоть бы бабки посулила, – разочарованно протянул бармен.

– Какие бабки? – не понял Валентин.

– Как какие? За поимку преступника.

– А уже известно, кто преступник?

– А ты что, не слышал?

Бармен обернулся к Валентину и до него вдруг что-то дошло.

Атлетическое сложение... Рост под сто девяносто... Глаза серые, взгляд исподлобья... Серьезен, даже хмур, нетороплив в движениях... Может считаться очень опасным...

– Это я так, – сказал бармен, стараясь скрыть растерянность и поднимаясь с табурета. – Шучу, значит...

Валентин медленно покачал головой и вышел.

Если бармен даже позвонит в милицию, никто не найдет его в вечерней толпе. Зато, судя по телевизионной передаче, запас времени теперь несколько уменьшился. Даже сильно уменьшился. Вот тебе твой запас времени, усмехнулся Валентин. Много ты выиграл...

Он не знал, куда ему идти.

Похоже, его зачислили в преступники.

«Не болтайся по Питеру...»

Правда оказалась девица. Проще было сразу уехать.

И оборвал себя: как это уехать?... А брат?... А неудачливый Серега, мечтавший стать Шварцем?... А некая Анна., предупреждавшая его об опасности?... Разве он может сейчас уехать?...

Дам телеграмму, решил он.

Дам телеграмму Джону Куделькину. Кто, как не Куделя, поможет? У него и голова варит лучше. Вдвоем с Джоном можно что-то сообразить.

Нет, решил он, сейчас никто не выпихнет меня из Питера!

Моросил мелкий дождь.

Шагах в ста от себя на углу проспекта Валентин увидел светящуюся вывеску почтового отделения.

«Мы зачем революцию делали?»

Моросил дождь.

Чужая черная куртка сидела на плечах удобно, легко, и все равно она была чужая.

Валентин поежился, поднял воротник и бесцельно двинулся в сторону Литейного.

Эх, Серега...

Он думал о брате.

На «мерсе» в вечность не въезжают. И бутылку коньяка, даже самого лучшего, в вечность не прихватишь. Все дороги ведут в вечность, это верно, и окольные тропинки тоже ведут туда, только никакая контрабанда там невозможна. Ничего такого не прихватишь с собой. Это раньше казалось – вот положи соперника на лопатки и лады!

К черту.

Валентин увидел будку телефона-автомата и, перепрыгнув лужу, прикрыл за собой тяжелую застекленную дверь. Не выходили из головы слова ведущей «Криминальной хроники»: кем бы ни было совершено преступление, преступник может считаться очень опасным. Конечно, опасным. Но, похоже, в преступники телевизионщики уже определили Валентина.

«Мы не собираемся подменять следствие...»

Как же! «Не собираемся...» Вы уже его подменили. В итоге, его, Валентина, в любую минуту может задержать любой постовой милиционер. На него может указать любой вдруг заподозривший его прохожий. А ведь еще кто-то специально за ним охотится!

Кто?

Зарядив автомат монеткой, Валентин поднял трубку и набрал легко запоминающийся номер.

– Что значит нету? – негромко, но твердо переспросил он, услышав в трубке ленивый мужской голос. – Ты зачем сидишь в телехронике? На подхвате? Вот и подхватывай. Уткова мне нужна. Усек, мудака? И нужна прямо сейчас. Позови к телефону Уткову.

Он не любил ругаться, но эти слова сами срывались с губ.

– И не вздумай бросать трубку, мудака, я с телефона все равно не слезу. Тебе же будет хуже потом. Найди Уткову, она мне срочно нужна.

– Оставьте ваши военно-морские термины, – прервал его деловитый женский голос. – Я Уткова.

– Татьяна Ивановна? – хмуро буркнул Валентин.

– Ага. Я самая.

– Вы недавно говорили о происшествии в «Невской»... Я могу кое-что рассказать об этом... Ну, гостиница «Невская», – напомнил он. – Двойное убийство. Вы сегодня выезжали туда.

– Ну как же, все поняла, – быстро ответил женский голос. И кого-то там попросил: – Подключись, Паша!

И опять быстро:

– Это я не вам. Вы говорите, говорите. Я слушаю.

– Да нет, – сказал Валентин. – Говорить по телефону не буду. Не хочу, чтобы меня отловили в будке, как преступника.

– Тогда чего вы хотите?

– Я Кудимов. Такая у меня фамилия. И я знаю, что случилось в гостинице «Невская». По крайней мере, я знаю, что случилось в гостинице со мной. Если хотите знать это, давайте встретимся у выхода из метро... – Он назвал станцию. – Я вас узнаю.

Он посмотрел на часы:

– Минут через двадцать. Подождите меня у входа в метро, я подойду к вам. А если не подойду...

Он сделал паузу.

– Если не подойду, значит...

– Что – значит?

– Значит, ждите еще минут десять... Мало ли...

– Но...

– Никаких но. Если не подойду, значит, действительно не мог подойти. Я ваш телефон знаю. В случае нужды перезвоню.

– Когда?

– Когда найду нужным.

Подходить к Утковой он не собирался ни около метро, ни в стороне от него. Был совершенно уверен, что придет она не одна. А если и одна... О чем поговоришь на сырой темной ветреной улице? О брате Сереге? О несчастной дежурной по этажу? О той же Анечке? О неудачнике Шварце из Липецка?

Думать не умею, сказал себе Валентин. На ковре было просто. Соперник сопит, ты его прижимаешь. А тут...

Нет, решил он, думает пусть Уткова.

«Мы не собираемся подменять следствие...»

Трепуны! Тут же и подменили!

Серега, Аня, дежурная по этажу, Серега из Липецка... Четыре трупа за неделю и все каким-то образом связаны с Кудимовым-младшим... А может, с его предприятием... Как его?... Ну да, «Пульс»... Четыре трупа... Не такая уж короткая цепочка... Пусть Уткова поломает голову... А я найду тихое местечко и терпеливо буду ждать Джона Куделю... Джон получит телеграмму и тут же приедет... Я его знаю... А думает пусть Уткова...

«Мы не собираемся подменять следствие...»

Валентин, не шевелясь, стоял в темной будке и слушал шелест дождя.

Метрах в двадцати от будки остановилась у поребрика темная «Волга» с погашенными огнями. В салоне вспыхнул огонек зажигалки.

Что я тут делаю? Ведь подсказывали – не болтайся по Питеру. Уехал бы, вот и пошла б пруха Сереге из Липецка. Ночевал бы на вокзале, зато остался бы живой. И дежурная по этажу закончила бы свое вязанье.

Валентину в голову не могло придти, что в темной «Волге» в этот момент говорят о нем.

Но говорили о нем.

– Подвели вы меня, ребятки, – негромко и укоряюще произнес директор крематория. – Крепко подвели. Даже очень. Верно я говорю, Хисаич?

– Виноваты, Николай Петрович, кругом виноваты, чего уж... – пробасил Хисаич, пристраивая на коленях неимоверно длинные руки. Серое демисезонное пальто в рубчик было на груди расстегнуто, полы пальто он подобрал на колени. Голова, постриженная под бокс, упиралась в верх «Волги». Хисаич даже кепку с головы снял. Махровая кепка, когда-то синяя, теперь достаточно выцветшая, почти потерявшая цвет, была подложена под его мощные кулаки. – Чего уж, виноваты, Николай Петрович. Вроде как все было в аккурат. И нашли, и увидели. А он брился, значит, весь в пене был, как Дед-Мороз...

Николай Петрович укоризненно покачал головой:

– Нельзя спешить, Хисаич. Я каждый день повторяю вам – нельзя спешить. Каждый ваш шаг должен быть выверенным. Это же не слова. Вы действительно работаете как на минном поле. Любой случайный срыв бьет по Делу. Сперва по вам, значит, бьет, а потом по

Делу. И я уж не знаю, как вам сказать, что по вам-то бить можно, на то вы у меня деньги получаете, а вот по Делу нельзя...

– Да так и говорите, Николай Петрович, – удрученно бормотал Хисаич. – Так и говорите, чего уж там...

Директор крематория резко повернулся:

– А ты, Игорек? Почему молчишь? Хисаич вот кается, а ты почему молчишь? Нехорошо молчать. Мы вот с Хисаичем всем сердцем переживаем, а ты молчишь. Ты не молчи, Игорек, ты поговори с нами, ты разоружись, поделись раздумьями, всем станет легче.

– А мне не тяжело, – ощерился Игорек, почти неприметный в громоздкой тени Хисаича.

Скуластый, нервный, Игорек на секунду прижался лбом к холодному влажному боковому стеклу. Мать их! Разоружись! Откуда у них такие слова? И еще эта аптека перед глазами...

Ночь, улица, фонарь, аптека...

Больно кольнуло под сердце, как всегда случалось с ним на пересечениях быта и тех, *других*, слов.

Впрочем, вслух он угрюмо произнес:

– Каяться по каждому случаю, никаких нервов не хватит. Мы все сделали путём, по инструкции. И номер правильный, и мужик – бык. Ну, голый, душ принимает. Вы ведь сами говорили, здоров, как бык. Он таким и оказался. Не спрашивать же у него паспорт? Шлепнули и пошли.

– А могли бы и спросить. От вас бы от того не ubyло, – рассердился Николай Петрович. – Куда торопиться? Вы не землю пахать пришли. Наше Дело, оно зависит от любой мелочи. Еще как зависит! Вот Сережа Кудимов, покойничек, земля ему пухом, тоже заспешил, отдыхать собрался. Я ему доверительно говорил: не суетись, Сережа, все хорошо, готовься к своей поездке, ни к кому не заглядывай, успеешь всех повидать. А он, на тебе, зарулил без всякого спроса в Лодыгино, к братану. О чем говорили? Какие мысли? На какую тему мечтали? Я ему доверительно говорил: тебе, Сережа, поосторожнее бы, а? А он слушал и рассеянно улыбался, будто я или Дело ему как бы уже по боку. А под конец и Анечку втравил...

Николай Петрович вздохнул и, не меняя тональности, все тем же голосом добавил, обращаясь исключительно к Игорьку:

– Придурок! Ты почему утюжок не выключил в Анечкиной квартире? Сильно торопился? Свербит в заднице? Значит, все по быстрому? Шлепнул и пошел? А вдруг бы пожар? Это ж государству убыток. Это ж не чужое государство, где спали хоть весь город. Это наше государство, и все в нем наше. И жить в нем нам. Нам его обустраивать. А ты?

– Плевал я на государство!

– Ты посмотри на него, Хисаич, – опять обиделся Николай Петрович, аккуратно гася сигарету в пепельнице. – Родители у Игорька были известнейшими людьми, в меру своих сил они умножали богатство и славу родины, а сын?... Я тебе о том говорю, Игорек, поганец, – понизил он голос, – что нет в нашем Деле мелочей. Слышишь, как я произношу это слово Дело? С большой буквы. С самой большой. Сейчас из-за Анечкиного утюжка вся криминальная хроника стоит на ушах. Почему это, дескать, утюжок? Как это так – утюжок? Эту Анечку, что – током ударило? Чего это она в окно побежала, если только что гладила юбку и явно налаживалась куда-то не в окно? Я вас, придурки, не для того держу, чтобы вы давали поводы для гаданий. И главное, кому? Криминальной хронике!

Он предостерегающе поднял палец:

– Нагадили, приберитесь. День как раз кончается, хорошее время для приборки. Дуйте на улицу Тельмана, дом, квартиру знаете... Кстати, Хисаич, – хитро прищурился Николай Петрович. – Тельмана, Тельмана... Почему это вдруг улицу в Питере назвали в честь Гдляна, а не Иванова?

– Кто такие?

– И правильно, Хисаич. Пока не заказали, пусть себе живут в неизвестности. До поры, до времени незачем забивать голову лишним, – одобрил Николай Петрович. – Короче, дом знаете, квартиру знаете. Посидите, потолкуйте с девушкой с телевидения, спросите, что у нее на уме? Ты, Игорек, поаккуратнее поройся в вещичках, глаз у тебя наметанный. Расспроси, зачем девушка поминает «Пульс»? Не в первый ведь раз, кстати. Если есть какие-то бумажки по «Пульсу», все такие бумажки ко мне. Может, блефует девушка, а может...

– Будет она держать дома бумажки!

– А ты, Игорек, присмотришь. Я ведь не говорю, что она их дома держит... – остроглянул на Игорьку Николай Петрович. – Я просто говорю – присмотришь. Аккуратнее присмотришь. Как увидишь бумажку с грифом «Пульс», так сразу в карман ее. Чтобы уже сегодня лежала передо мной. А девушкой ты займись, Хисаич. Ты у нас не торопыга.

– Хорошенькое дельце! – ощерился Игорек. – Ну, Анька там, бык в гостинице. А тут телевидение! Они же не дураки, у них власть. Они враз поднимут все спецслужбы.

– И пусть! – Николай Петрович тихонечко рассмеялся, даже пальцами удовлетворенно постучал по приборному щитку. – Пусть обязательно поднимут все спецслужбы. Дело-то государственное. Телевизор надо смотреть. Вы только взгляните, вон как выросла у нас преступность!.. Проституция!.. Воровство!.. Самоубийства!.. Мне Сережа покойный, не поверите, говорил, что у него бумажник в Смольном свистнули из кармана!.. Это что ж? Это как можно терпеть такое?... В святая святых! В городе трех революций!.. Нет, пусть, пусть поработают спецслужбы, пусть почистят город от дряни.

– Верно, – поразмыслил Хисаич. – Проститутки кругом. Не без этого. Плюнуть некуда.

– Но, слышишь, Хисаич? Без всяких там выпаданий из окон. Творчески подойдите. А потом навяжите узелок барахла, вроде как простые грабители приходили. Пусть работают все спецслужбы.

– Да мы... – по-детски обиделся Хисаич.

– Журналистка все-таки, – ощерясь, напомнил Игорек. – У нее, наверное, полон дом знакомых.

– Ну, не придурок? – искренне удивился Николай Петрович. – Опять мне его учить, торопыгу. Даже если у девушки полна квартира гостей, дело остается делом. Подождете в машине, не останутся гости на всю ночь. К тому же, муж девшкин в Африке, об этом знаю доподлинно. Не должны гости у такой девушки засиживаться у нее до утра. Нехорошо как-то. Безнравственно. Да и на работу утром. – Он обиженно поджал губы. – Короче, Хисаич, и ты, Игорек, действуйте аккуратно и по обстоятельствам. Все ясно?

– Угу, – сказал Хисаич.

– Не слышу вопросов.

– Вопросов не имеем, – угрюмо буркнул Игорек.

– Ну и слава Богу. А я, значит, теперь домой.

Николай Петрович включил зажигание и мотор сдержанно заурчал, забежали по стеклу дворники.

– Мне сегодня еще вычислять, куда этот бык смотался. Не было печали... Хорошо, если домой сбежал, а если шастает по Питеру?... Не наделай вы ошибок, ребята, сейчас бы сидели дома.

– Да что там... Виноваты... Кругом виноваты...

– Вот и лады. Выматывайтесь.

Он дождался, пока они выйдут, и остановил Хисаича.

Нахлобучив на голову выцветшую кепку, Хисаич громоздко наклонился к опущенному стеклу.

– Ты, Хисаич, позвони, – негромко сказал Николай Петрович. – Пусть поздно будет, все равно позвони. Я сегодня рано не лягу.

Увидев, что Игорек нырнул в «шестерку», поставленную под мокрой каменной стеной, добавил негромко:

– И еще... Хисаич... Ты присмотри за Игорьком... Что-то в последнее время он нервничает... Стал какой-то смурной, огрызается... А нам Игорька надо беречь... Самый точный ствол Питера... С чего бы ему нервничать, а, Хисаич?... Ты присмотри за ним... Может, устал...

– Так все устали, Николай Петрович. Жизнь такая.

– Это ты верно сказал – жизнь...

И, вздохнув, добавил непонятно:

– Какая-никакая, а жизнь...

Дождь.

Свет проходящих машин.

Ночные мгновенные радуги.

Игорек уверенно вел «шестерку».

Он знал Питер.

Он любил и ненавидел Питер.

В огромной библиотеке отца он пересмотрел сотни старых литографий. Может, тысячи. Не считал.

Низкие каменные и деревянные набережные, черные смоляные сваи, лодки на Неве, впечатляющие с фасадов, но насквозь протекающие дворцы.

Огромные петровские дворцы, поставленные не на болотах, поставленные на человеческих костях.

Ковчег для России.

Это сам так Петр говорил – ковчег.

«Тружусь, как Ной, рублю ковчег для России».

Умных бы рулевых, только не везет России с кормчими. То, значит, сами отвлекаются на постройку ковчега, то, значит, отвлекаются на стройку каналов... Но народ сознательный. Отец однажды показывал Игорьку бумажку. Андрей Платонов, писатель тонкий и душевный, убедительно просил московское начальство послать его на Беломоро-Балтийский канал. Или на канал Москва-Волга. Мечтал написать хорошую книгу о большевиках – покорителях природы

Тоска.

Ковчег.

Не для России.

Для каторжников.

Как-то Игорек процитировал Хисаичу вычитанный в старой книге высокий царский указ.

«Его Царское Величество усмотреть изволили, что у каторжных невольников, которые присланы в вечную работу, ноздри вынуты малознатно; того ради Его Царское Величество указал вынимать ноздри до кости, дабы, когда случится таким каторжным бежать, везде утаиться было не можно».

– Ты чё? – испугался Хисаич. – Это ж все при царизме было! Мы зачем революцию делали? Не люди, что ль?

Игорек усмехнулся.

Какие люди?

Хисаич – животное.

Тупое, не злое даже, но животное.

Дицерах, кажется, говорил в древности: человека существо есть тело, а душа только приключение. Тело у Хисаича большое, а души нет. Соответственно, нет приключений. Существо Хисаича – тело. В окно выбросить, шею свернуть, как той дежурной в гостинице. Это по Хисаичу. Он дышит, хапает, жует, давит. Не по злобе, конечно, а по приказу. Но хапает, жует, давит. Крупное животное, всем своим крупным телом осознающее пользу Дела. Хисаичу ведь все равно – убить человека ножом или годовым комплектом журнала «Аполлон».

Игорек зло ощерился.

В свое время отец Игорька тоже был хисаичем. Правда, умным и тонким хисаичем, глубоким знатоком социалистического театра и социалистической поэзии. Хисаичем, профессионально овладевшим всем хитроумным инструментарием советского критика. Его боялись при всех режимах, а он жадно дышал, страстно давил и хапал. И сам боялся. Отсюда лукуловы пиры, задаваемые им время от времени для им же обиженных актеров и литераторов, отчаянные ночные пиры, на которых другие такие же литературные и театральные хисаичи топили в отборном коньяке свой страх перед хисаичами, сумевшими подняться по социальной лестнице выше, чем удалось им.

«Мужественная наша бригада, отбредав положенное, – любовно писал отцу-хисаичу его давний друг генсек-хисаич от литературы, – отбанкетировав (от слова банкет) и распечатавшись в газетах в порядке тщеславия и культпропаганды, разъехалась...»

Отбредав... Отбанкетировав (от слова банкет)... Распечатавшись в порядке тщеславия и культпропаганды...

Игорек на память помнил такие тексты.

Еще бы!

Таланта у генсека не отнять, это так. Отец ценил и смертельно боялся генсека. Настоящая крепкая творческая дружба. Личности. Они даже острыми анекдотами обменивались. «Живи Пушкин в двадцатом веке, все равно бы погиб в тридцать седьмом году».

«Изрядно поздоровев во время поездки и обросши грязью, я демонстративно грызу тыквенное семя и чувствую себя прекрасно. Обилие жизни, сознание, что вот мне скоро 33 года, а сделано мало, мысли о собственной необразованности, желание поиметь какую-нибудь девушку покрасивее...»

Изрядно поздоровев... Обросши грязью... Тыквенное семя... Сделано мало... Тридцать три года... Мысли о собственной необразованности... Желание поиметь девушку покрасивее...

А, ладно!

И это пройдет.

Точнее, давно прошло.

Однажды Игорек попытался разобрать литературный и эпистолярный архив отца, но долго не выдержал.

Его воротило.

Прекрасные слова, которые он видел на бумаге, нежные обращения, некая особенная доверительность абсолютно не соответствовали облику тех, кто когда-то произносил эти слова, кто когда-то, как выражается Николай Петрович, приумножал богатство и славу Родины.

Разборка подобных архивов предполагает крепкие нервы.

Отец Игорька благоговел перед поэзией.

Перед русской, конечно.

Перед совершенно замечательной, нигде не имеющей никаких аналогий, на что на свете не похожей русской поэзией.

Прочтет задумчиво, как бы про себя.

*Там, где жили свиристы,
где качались тихо ели,
пролетели, улетели
стая легких времireй...*

*Где шумели тихо ели,
где поюны крик пропели,
пролетели, улетели
стая легких времireй...*

Прочтет, удивится. Глаза с ужасного перепоя теплые, влажные. (Игорек любил отца). Выпьет сто грамм, выдохнет: «Формализм. Голимый формализм. Это цадики напридумывали, наверное». (Игорек ненавидел отца). В глазах – времири, и поюны уж крик пропели, а лжет, лжет. Сознательно лжет, гнусно.

И дышит печально.

«Где качались тихо ели...»

Какой формализм? Что за чухня? О чем он?

Отец задницу генсеку лизал, ходил в обнимку с Ермиловым, в писательском поселке устраивал такие попойки, что до ЦК доходило. Утешаясь после разносов, сам кого-нибудь разнося, бормотал про себя с восхищением: *«Мы – два грозой зажженные ствола, два пламени полуночного бора...»*

«Формализм. Голимый формализм. Это цадики напридумывали, наверное».

Игорек любил и ненавидел отца.

Если отец, цитируя про два ствола, зажженных грозой, намекал на себя и на некую студентку, приходившую к ним на дом сдавать зачеты (как раз в удобное служебное время, мать в поликлинике), то не о стволах следовало говорить...

*Мы – два в ночи летящих метеора,
одной судьбы двужалая стрела...*

ТЬфу на оба ваших жала!

Мир для Игорька всегда был полон неприятных открытий.

Оказывается, Хорьком отца прозвали вовсе не из-за хорьковой шубы, которую он носил, а из-за его ежесекундной постоянной готовности укусить соседа. Оказывается, большинство тех писателей, которых отец хвалил, вовсе не являлись классиками, как о том писали в газетах. Скорее, были они просто хисаичами от литературы. Четыре дубинки в кант. Оказывается, лучшие критические работы отца были вообще написаны неизвестными аспирантами.

ТЬфу на все ваши открытия!

Лучше сразу дать по шарам лупоглазой богатой гражданке, забрать ее кольца и кошелек, сорвать с нее серьги. Так честнее.

Мы – два грозой зажженные ствола...

Мать их!

Николай Петрович вытащил Игорька из команды Вовы Кумарина. Вова не дурак был, вовремя бросил Институт холодильной промышленности и ушел в люди. Сперва ночной швейцар в «Розе ветров», потом бармен в «Таллине». А в итоге, человек с большой командой, наезжавший не только на теневики, но и на структуры вполне легальные. Если бы не большая разборка в Девяткино, когда убили Федю Крымского, Вова Кумарин и сейчас правил бы бал.

Хрен с ним!

Мудак.

Пусть правит бал в Обухово.

Вот Сереге Кудимову спасибо. Бывший лейтенант госбезопасности с удовольствием взял Игорька в стажеры. Именно Серега научил Игорька стрельбе, той, настоящей, когда главный козырь – первый и единственный выстрел. Именно так. Первый и единственный.

Сам посуди, хохотал Серега, единственный человек на этом свете, сумевший растопить ледяное сердце Игорька. Сам посуди, что ты, Игорек, против слоновьей силы Хисаича, что ты против меня, если я засучу рукава? Букашка, ноль, пыль на ветру, фитюлька, сморчок поганый, на тебя собака пописает, у тебя сил не хватит ее оттолкнуть. А вот с машинкой в руке...

Игорек с благоговением слушал Серегу.

Стрельба с обеих рук, лежа, с колена, на бегу, вслепую, на слух...

Серега был мастер!

Когда Игорек сменил, наконец, старый «вальтер» на итальянскую «беретту», Серега сам вызолотил ему курок.

Кажется, только в тот день до Игорька по-настоящему дошло, о чем, собственно, толковал ему Серега Кудимов.

Да, фитюлька, да, круглый ноль, да пыль на ветру, сморчок поганый. На него бродячая собака пописает, у него сил не хватит оттолкнуть собаку. Но *когда машинка в руке* – все это уже не имеет значения. Мир как бы остался прежним, но это только на первый взгляд. На самом деле, мир кардинально изменился. И узкое невыразительное лицо, и малый рост, и кривоватые ноги, предмет для насмешек, которые Игорек прятал под длинным плащом, – все это уже действительно не имело значения. Произошло некоторое волшебство. «Беретта» с вызолоченным курком уравнила Игорька не только с Хисаичем.

Мать их!

Мы – два грозой зажженные ствола...

Оставив машину в тесном мокром переулке, они молча прошлепали по лужам до нужного дома, и там Игорек с беспомощной ненавистью уставился на кодовый замок и панель домофона.

– Хорошая штука, – добродушно прогудел рядом Хисаич, роясь в своих бездонных карманах. – Вот правильно говорит Николай Петрович о возросшей преступности. Надо бы в каждом доме поставить сигнализацию. В таких вот закрытых подъездах спокойнее.

Хисаич вздохнул:

– Только ведь сломают сигнализацию.

Он ловко сунул отмычку в щель и дверь распахнулась.

– Лифт?

– Не надо. Зачем шуметь? Да и некуда торопиться? Николай Петрович что говорит? Осмотримся.

– Так седьмой этаж!

– А хоть десятый, – рассудительно ответил Хисаич. – Хоть двадцатый. Дотопаем. Куда спешить? Николай Петрович что говорит? Действуй без спешки, действуй с оглядкой. Чего уж там, кругом мы с тобой виноватые, Игорек, напортачили в гостинице. А почему?

Хисаич вздохнул и сам себе ответил:

– Поторопились.

«Материалы по „ПУЛЬСУ“ на стол!»

– Ну, придурок!

Татьяна раздраженно звякнула цепочкой, запирая дверь. Включила свет в прихожей, сбросила сапоги.

– Полчаса под дождем! Придурок!

Впрочем, особой злости в голосе Татьяны не чувствовалось.

Мало ли подобных не встреч?

Ну, не пришел мужик на свиданку, она не сильно и верила. Еще один сумасшедший. Хотелось показать себя. Вот что я знаю! Таких всегда больше, чем мы думаем. Может, и хорошо, что этот придурок пришел, а то бы до сих бы пор мерзла на улице.

Все еще ворча, но уже смягчаясь от одной мысли о том, что все-таки она, наконец, дома, что можно, наконец, сунуть ноги в теплые тапочки, пройти в ванную и принять горячий душ, а потом, сварив чашку крепкого кофе, упасть в кресло и с наслаждением выкурить сигарету, Татьяна, расстегивая кофту на ходу, прошла в гостиную и включила свет.

– Господи!

Она в испуге прижала обе руки к груди.

В большом кресле, в котором она обычно любила сидеть, забравшись в него прямо с ногами, уверенно развалился хрупкий, худощавый, чем-то сразу неприятный человек в сером, длинном, застегнутом снизу доверху плаще.

Что-то такое из мира кукол.

Конечно, из мира нехороших кукол.

Но в хорошем, в дорогом плаще. Никаких этих наворотов, фенечек, лейблов – уматный прикид! Кто посвящен, тот поймет, а на остальных наплевать. Это чувствовалось и в сдержанных жестах, и в ледяном взгляде зеленых глаз. Как чужой кот в новой квартире. Захочет – нагадит, захочет – поставит хвост трубой и пройдет мимо. Лицо узкое, лоб высокий, но кожа подернута какой-то неприятной нездоровой желтизной.

У него, наверное, что-то с почками, подумала Татьяна без всякого сочувствия. Мог бы и снять, скотина, мог бы оставить в прихожей свои грязные сапоги на высоком каблуке, с этими неброскими цепочками из темной меди, мог бы не закидывать так нагло свои кривые ноги на журнальный столик. Вон сидит же в углу его приятель или напарник – сидит просто на стуле, без всяких выдумок. Похож, правда, на гамадрила из Сухумского зоопарка, но сидит скромно, почти совсем как человек. Громоздкий и неуклюжий, но человек. Длинные огромные руки, на широком, как блин, лице плавающая улыбка слабоумного, но, по крайней мере, не нагл.

Сладкая парочка!

Длинный плащ худощавого наглеца и необъятное демисезонное пальто в рубчик, в которое был облачен громила, мгновенно вызвали в памяти какой-то старый, действительно очень уж старый доперестроечный фильм. Такой старый, что Татьяна и названия его не вспомнила.

Да и какие тут названия!

– Ты не пугайся, тетка, – негромко, даже добродушно заговорил большой гость, тот, который сильно походил на громилу из Сухумского обезьянника. – Мы к тебе по делу.

– Тоже мне, нашел тетку! – чисто автоматически ответила Татьяна. Губы ее дрогнули. – По делу – это в студию. Дома я не занимаюсь делами.

И добавила, дивясь собственной находчивости:

– Зря этак расселись-то. Скоро мой муж придет.

Тонкие губы неприятного худощавого человека в длинном плаще искривила усмешка:

– Ну да. Он у тебя Бова-королевич. Только из Африки.

«Знают! Все знают! Даже о том, что муж в Африке, знают! – запаниковала Татьяна. – Сама виновата. Сама язык распускаю».

Как бы снимая возникшее напряжение, неуклюжий Хисаич, не вставая со стула, даже не меняя позы, примиряюще заметил:

– Придет, не придет. Какая разница? Только, думаю, не придет.

– Это почему?

– Да как почему? Думать надо. Дверь-то ты закрыла на все замки, да еще цепку навесила.

– Ну и что?

– Да так, ничего. Навесила и навесила. Чего уж теперь? Ты, тетка, не оправдывайся. Чего ты оправдываешься? Ты же дома.

Говорил теперь только Хисаич.

Он как бы даже утешал Татьяну:

– Ну, чего ты оправдываешься? Ну, зашли к тебе мужики. Ну, муж далеко, аж в Африке где-то. Так ведь мы зашли не гулять с тобой, тетка, мы, как бы это, зашли по делу.

– Что за дело? – насторожилась Татьяна.

– Да простое, не злись, – добродушно объяснил Хисаич. – У тебя, говорят, есть материал по «Пульсу». Сечешь, о чем я говорю? Ты что-то часто стала ссылаться на «Пульс». Как передача, так у тебя покойники скачут из окон. И все почему-то работники «Пульса». Как-то ты это односторонне показываешь. Необъективно. Нельзя так.

И приказал:

– Значит, давай все материалы по «Пульсу» на стол. Мы, значит, посмотрим бумажки, а там решим...

Он не сказал, что именно они будут решать. Просто причмокнул губами:

– У нас времени немного, тетка. Да и ты устала, тебе хочется отдохнуть. Мы аккуратно посмотрим, что там к чему в твоих бумагах, и уйдем. Нам ведь тоже интересно, что ты там людям поешь с экрана – правду или вранье? Что это за штука такая – «Пульс»? И чего ты привязалась к этому «Пульсу»? – как-то запоздало удивился Хисаич. – Других таких нет? Тоже мне! Так что, не тяни, тетка. Мы, сама видишь, как и ты, умотанные.

Для гамадрила из обезьянника громила говорил достаточно грамотно.

– Ишь, пожалел, – огрызнулась Татьяна. Страх и беспомощность боролись в ней с раздражением. – Какие еще бумаги? Какой «Пульс»? У меня если и есть что-нибудь по какому-то там «Пульсу», то уж никак не дома. Такие штуки держат в рабочих сейфах, на службе. Да и в сейфе у меня нет ничего интересного. Ничего я толком не знаю про этот «Пульс». Общие справки, не больше. Приходите в студию, покажу.

– Ага, приходите в студию! – добродушно покивал головой Хисаич. – Ты покажешь! Знаем, как ты умеешь показывать! Каждую передачу твою смотрим внимательно.

Кажется, Хисаич не прочь был поговорить, но его прервал резкий телефонный звонок. Татьяна вздрогнула.

Игорек моментально убрал ноги с журнального столика и вопросительно посмотрел на Хисаича.

– Ждешь звонка? – поинтересовался громила.

– Жду, – ответила Татьяна.

Никаких звонков она не ждала, но почему-то решила: это Санька звонит. Это влюбленный Санька Филиппов, помреж с шестого канала. Вот прилип. Мало ему той ночи, которую они вместе провели на теплоходе... Узнал, наверное, что осталась одна, вот и звонит... Как не вовремя...

Почему это не вовремя? – вдруг подумала она, наполняясь какой-то нервной несмелой надеждой.

Но нервная эта надежда как-то сразу отлетела, стоило ей увидеть налившиеся холодом глаза Хисаича.

– Возьми трубку, тетка, раз уж ты оказалась дома, – негромко, но внушительно приказал Хисаич. – Возьми, возьми.

И предупредил:

– Болтай весело, как умеешь, но в меру. Помни, что у Игорька пистолет в кармане, да и я дотянусь до тебя прежде, чем ты вякнешь что-нибудь такое ненужное.

И переспросил:

– Ты все поняла?

Татьяна беспомощно кивнула.

– Танька! – звонил действительно помреж Санька Филиппов с шестого канала, давно и не всегда безнадежно влюбленный в Утку. – Танька, у меня в машине корзина с ананасами, бананами, манго, авокадо и всей прочей всякой тропической снедью!

– В зоопарк собрался? – спросила Татьяна с тоской.

– А тыпустишь? Как там сегодня в зоопарке? Пустынно? – быстро и хитро спросил Филиппов. Каждое слово его была пропитано каким-то сладким сексуальным подтекстом.

– Нет... Не пустынно... Сегодня не пушу... – ответила она медленно и по глазам нагнувшегося к трубке Хисаича поняла, что ответила правильно.

– Ты не одна? – разочарованно протянул Санька.

– Я одна, но устала, – все с той же тоской ответила Татьяна.

– Устала? – обрадовался Филиппов. – Да ты что? Это же ерунда! Я знаю один особый массаж. Давай я сейчас приеду и клянусь, через полчаса ты у меня начнешь прыгать по люстрам!

И спросил жадно:

– Я еду?

Игорек издал злобно показал, тыча пальцем в часы, а потом тем же пальцем грозя Татьяне – заканчивай, дескать, хватит!

– Нет, не сегодня, – устало повторила Татьяна, вдруг действительно почувствовав ужасную усталость.

– А когда?

– Может, завтра... – ответила она пересохшими губами. – Ты позвони с утра... Утром договоримся...

Она ужасно хотела, чтобы утро уже наступило и чтобы гамадрилы уже убрались из ее квартиры, а явился бы наглый и веселый Санька и сделал бы ей такой массаж, чтобы она, визжа, прыгала с форточки на люстру, а с люстры прямо на Саньку.

«Ну, Санька, ну, догадайся, как мне страшно!.. – молила она, пытаясь дозваться, добудиться до подкорки, до подсознания глупого Саньки Филиппова. – Ну, догадайся, примчись!.. Если ты сейчас примчишься и выбросишь этих гамадрилов за окно, я сделаю все, чего ты хочешь. Я отдамся тебе тут же у двери. Я буду трахаться с тобой где угодно – в любом живом уголке, а не только в зоопарке. И в любое время суток. Стоит тебе захотеть, я буду ложиться прямо на твой рабочий стол. Только догадайся, только примчись!..»

К сожалению, Санька не догадался.

Татьяна устало положила трубку и посмотрела на Хисаича.

Хисаич молча кивнул.

– Ладно, хватит! – поднялся Игорек с кресла. – Хватит тянуть. Время жалко. Ты не видишь, Хисаич, что ли? Упрямая попалась тетка, она ничего не покажет.

И сплюнул прямо на пол:

- Раз у нее есть что-то в сейфе на службе, значит, и в квартире должно быть.
- Нет у меня никаких бумаг, – безнадежно повторила Татьяна.
- Сам найду.

Присматриваясь, Игорек прошелся по гостиной.

Внимательно оглядел роскошную немецкую стенку с хрусталем и книгами, купленную когда-то мужем Татьяны еще в «Березке». Ухмыльнулся. Коротким движением руки смел на пол часы-будильник, зажигалку, керамическую пепельницу «Мальборо», огромную, отличающую лаком шишку ливанского кедра, что-то там еще – всю эту мелкую чепуху, что с годами скапливается на полках.

С самой ей непонятным отстранением Татьяна вдруг подумала: действительно, чепуха. Откуда, зачем все это?

И покачала головой.

Не такая уж чепуха.

Зажигалку Татьяне подарил знаменитый космонавт. Один из самых знаменитых и первых, из тех, что, считай, летали в космос еще на реактивной трубе. Кедровую шишку привез из Ливана муж. Утверждает, что сам сбивал шишку с кедра. Миниатюрный будильник подарили, кажется, на работе. Чтобы не опаздывала, хотя она никогда не опаздывала.

За каждой безделушкой стоит какая-то своя история.

Уже без страха, будто униженные, но знакомые вещи вернули ей спокойствие, Татьяна глянула на Игорьку, остановившегося перед книжными полками.

Ублюдок!

Недомерок!

Даже стоя Игорек оказался на голову ниже ее, хотя ведь носил сапоги с высокими каблуками. Вот лоб высокий, а интеллект хорька. Не может у такого недомерка быть интеллект выше хорькового. Это по глазам видно. Вон как смотрит на книги. Наверное, никогда не держал книг в руках. Наверное, никогда не слышал настоящей музыки, не знает, что такое театр.

Подтверждая ее мысли, Игорек, не торопясь, с удовольствием смахнул с полки на пол целый книжный ряд.

И несколько не удивился, глянув себе под ноги.

Сергей Третьяков (ну да, очерки о Китае, рычащие лесенки, игра бицепсами), Джеймс Джордж Фрэнк (непременная забава интеллигентов), Андрей Платонов (как же без него? «Коммунизм дело не шуточное, он же светопредставление!»), Амброз Бирс (известно, откровенно дерьмовые переводы), Альбер Камю (в обязательном наборе)...

Типичная псевдоинтеллигентская эклектика.

Впрочем, от журналистики, ведущей криминальную хронику, он ничего другого и не ждал. Читает все, попадет под руку. Считает литературой все, что читает. А читает для того, чтобы знать, а что, собственно, читают умные люди?

Подняв с пола зеленоватый томик Камю, Игорек сразу раскрыл его на знакомой странице.

Как будто неистовый порыв гнева очистил меня от боли, избавил от надежды, и перед этой ночью, полной загадочных знаков и звезд, я впервые раскрываюсь навстречу тихому равнодушию мира. Он так на меня похож, он мне как брат, а от этого я чувствую – я был счастлив, я счастлив и сейчас. Чтобы все завершилось, чтобы не было мне так одиноко, остается только пожелать, чтобы в день моей казни собралось побольше зрителей – и пусть они встретят меня криками ненависти.

- Нашел? – живо заинтересовался Хисаич.

– Еще нет. Но найду, – Игорь равнодушно бросил книгу на пол. Все равно этой тетке Альбер Камю уже не понадобится. И ему этот том не нужен. У него дома, в его уютной двухкомнатной квартирке на Халтурина есть прекрасное французское издание – с комментариями де Рю и с рисунками Ге де Ивлиана.

И пусть они встретят меня криками ненависти.

Татьяна опасливо, с каким-то тайным омерзением следила за Игорем.

Когда он взял в руки книгу, в ней проснулась надежда. Когда он швырнул Камю на пол, он показался ей пострашней громы, опять восседающего на стуле. А с какой брезгливостью этот ублюдок-недомерок касается ее вещей! С какой брезгливостью выбрасывает вещи из шкафа!

– Смотри, Хисаич, – с ухмылкой повернулся Игорек, извлекая из картонной коробки новенькие итальянские сапоги – гордость Татьяны, ни разу еще ненадеванная гордость, только вчера полученная по почте от мужа. – Видишь, размер? В таких можно спрятать даже бутылку.

– Ну? – удивился Хисаич.

– А то!

Игорек с силой рванул сапог, молния развалилась.

– Вот хлипкая работа, Хисаич. Настоящее низкопоклонство перед западом. Ты попробуй разорви так нашу керзуху.

– Я бы разорвал, – без всякого хвастовства откликнулся Хисаич.

– Я не о тебе.

Игорек даже расстроился:

– Типично низкопоклонство. Затоварились, как на складе. Как же, найдешь тут нужное!

– А ты внимательнее ищи. Время еще не позднее.

У Татьяны упало сердце.

Если рассуждать логично, не должны они называть себя по именам. Обычно грабители так не делают. Это нехороший признак. Да и не похожи они на грабителей. Их не вещи интересуют. Те же сапоги можно было сбыть на рынке за хорошую цену, а они их испортили. Зачем им материалы по «Пульсу»? Почему их заинтересовал «Пульс»?

Сердце защемило. Татьяна сказала с отчаянием:

– Я, чтобы купить такие сапоги, пахала два месяца.

– «Пахала»!.. – криво усмехнувшись, передразнил Игорек.

И поправил:

– Ты не пахала. Ты просто совала свой длинный нос куда не надо, а потом болтала своим длинным языком на всю страну.

– Глянь, глянь, Хисаич, какая рубашонка! – Игорек издала показал Хисаичу уютную ночнушку, действительно несколько легкомысленную. Эту ночнушку Татьяне привез из Италии муж. – Глянь, Хисаич, это как бы ее спецовка... В этой спецовке она как бы пашет...

И брезгливо бросил ночнушку на пол:

– К черту, Хисаич! Ничего здесь нет. Тетка права, никакой дурак не станет держать подозрительные документы дома.

– А в спальне? – подсказал Хисаич. – Ты загляни в спальню.

Игорька передернуло:

– Меня даже здесь тошнит. А в спальне...

– А меня? – в отчаянье спросила Татьяна. – Меня здесь не тошнит? Разбросали, натоптали. Кто здесь наведет порядок? Кто заплатит за испорченные сапоги?

Игорек усмехнулся:

– Не мы. Это точно.

Он видел, как Хисаич медленно встал со стула и сзади медленно протянул длинные руки к повернувшейся к Игорьку Татьяне.

– Ишь, тетку нашли! – совсем уже в отчаянье оскорбилась Татьяна, сама не понимая того, что несет. В ней теперь говорили только страх и беспомощность. – Ишь, тетку, видите ли, нашли!

От страха у нее заплетался язык, но остановиться она уже не могла:

– Мне теперь после вас возиться тут всю ночь!..

И замерла, снова в испуге прижав руки к груди.

В прихожей громко звякнул звонок.

– Муж! – шепотом выговорила Татьяна. – Это муж! Это муж вернулся!

А сама подумала: какой муж! Это же глупый Санька!.. Он что-то понял, потому и приехал... Это мой влюбленный дурачок Санька Филиппов! Это он, конечно! Он ей поможет. Эти громилы испугаются и сбегут. А она уже сегодня покажет Саньке, как следует по-настоящему прыгать с форточки на люстру, а с люстры на него, на ее спасителя!

Но вслух, почему-то шепотом, она повторила:

– Муж!

– Заткнись, – тоже шепотом ответил ей Игорек. – Знаем мы, где твой муж. Пискнешь, глотку порву. Как тот сапог.

Татьяна круглыми глазами уставилась на Игорька.

Не сделав ни одного лишнего движения, Игорек любовно извлек из-под длинного плаща пистолет.

Наверное, пистолет.

Несмотря на работу в «Криминальной хронике», Татьяна мало смыслила в оружии, только помнила, что у револьвера, кажется, должен быть барабан. У оружия, которое извлек Игорек, барабана не было. Отсюда и вывод.

– Ни звука, тетка, – предупредил и Хисаич, останавливаясь за ее спиной.

Звонок, как ни странно, верещал теперь ни на секунду не умолкая, будто его заклинило. Неизвестный за дверью никак не хотел уходить, наполняя сердце Татьяны то отчаянием, то надеждой.

Санька это! – шептала она про себя. Это Санька Филиппов, влюбленный дурачок... Догадался!.. Он сейчас поднимет на ноги весь дом!

Татьяна знала, как трудно такой старый дореволюционный дом с толстыми каменными стенами поднять на ноги каким-то там дверным звонком, но что-то заставляло ее верить в это, заставляло надеяться.

Держа пистолет в правой опущенной к полу руке, Игорек бесшумно скользнул к двери.

Оружие изменило его.

С оружием в руках Игорек выглядел уверенным человеком. Он как бы даже подростком внезапно, по крайней мере, не выглядел недомерком.

Отвечая на кивок Игорька, громоздкий Хисаич из-за спины Татьяны негромко сказал:

– Иди, тетка, к двери.

– Зачем? – заворожено спросила Татьяна.

– Чего зачем? – удивился Хисаич. – Откроешь.

И даже подтолкнул Татьяну длинной сильной рукой:

– Ни хрюку, значит, ни грюку. Сперва спроси, кто там. А потом открой. Если, конечно, там один человек.

– А если не один?

– Там посмотрим...

Хисаич произнес все это ровно, без особых эмоций. Он не злился, не напрягался, как Игорек. Он, похоже, действительно чувствовал себя абсолютно спокойным. Именно спокойствие Хисаича больше всего пугало Татьяну. Пугало до дрожи, до безумного холодка в груди.

Прижав пистолет к груди, теперь стволом вверх, Игорек на один шаг отступил от двери.

Хорошо, что там не муж, вдруг беспомощно подумала Татьяна. И ужасно, ужасно, ужасно жаль, если там этот глупый Санька... Вот сейчас, наверное, и начнется стрельба... Уж стрельбу-то в доме услышат...

Какая стрельба?

Кто услышит?

Она давно могла завизжать, заорать, спасая Саньку Филиппова от верной смерти, но она молчала, как трусливая мышь. Не то что кричать, она шевельнуться боялась. Кто бы там сейчас ни стоял за дверью, понимала она, этого человека сейчас, наверное, застрелят.

– Я боюсь, – слабо выдохнула Татьяна.

– Видишь мои кулаки? – Хисаич из-за ее спины выдвинул и показал ей желтые страшные кулаки, от которых сильно пахло табаком. – Хоть раз пискнешь, сразу сломаю шею.

– Как куренку, – подумав, назидательно добавил он. – Я тебе шею некрасиво сломаю, на тебя потом противно будет смотреть...

Он не закончил.

Дверь, под все так и не прекратившийся вопль звонка, как от взрыва, влетела в прихожую, сорванная с петель каким-то чудовищным ударом снаружи.

Дверь вышибли столь мощно и стремительно, что, влетев в прихожую, она попросту сбита с ног Игорька. Пистолет Игорька отбросило под ноги Татьяне. Взвизгнув от страха, она носком тапочка запнула пистолет его под диван.

– Проблемы?

С изумлением и со страхом Татьяна всматривалась в своего нового незваного гостя.

Он показался ей самым бесцеремонным.

Эти гамадрилы хотя бы не вышибали дверь, они просто подобрали ключи. А этому что надо? Уже не гамадрил, а настоящий бык. Хмурый жилистый бык. Это какую силу нужно иметь, чтобы сорвать дверь с петель?

Татьяна нервно хихикнула.

Бедный Игорек, неплохо ему вмазали. Прикорнул под сорванной с петель дверью, как под негнущимся деревянным одеялом. Теперь, наверно, долго не встанет. Уж до милиции он точно не встанет, подумала Татьяна, искоса незаметно вымеряя путь к телефону.

И, вскрикнув, отпрянула в сторону.

Коротким движением Хисаич вырвал из-за пояса своего пальто вороненый, отливающий синевой ломик-фомку.

Прижавшись к стене, Татьяна в паническом испуге не сводила глаз с противников, упрямо и угрожающе опустивших плечи.

Грузный, тяжелый, но оказавшийся на удивление проворным, похожий на гамадрила громила Хисаич и этот коренастый жилистый бык в черной кожаной куртке.

Бык выглядел хмурым и рассерженным.

Может, сердился на то, что ему долго не открывали.

На Хисаича бык смотрел угрюмо и исподлобья.

Он-то зачем сюда пришел?

– Брось фомку, – негромко произнес человек в черной куртке, смахивающий на быка. – Брось фомку и выметайся отсюда. Можешь заодно забрать своего напарника. Вы мне не нужны, я пришел не к вам.

Коротким движением, прямо-таки невероятным при его комплекции, Хисаич выбросил вперед руку со стальным ломиком и, кажется, даже задел незваного гостя. Но столь же

молниеносно Валентин ответил Хисаичу ударом ноги. Он сделал это в развороте, буквально в одно мгновение.

Когда-то на тренировках Валентин такими ударами ломал дюймовые доски, но Хисаич удержался на ногах.

Позже, рассказывая о случившемся, Татьяна не могла удержаться от нервного смеха.

«Ну, как два слона! Ну, или как два шкафа. Один ухватил журнальный столик за ножки, прикрылся им как щитом, а второй – ломиком, ломиком по моему столику! И нет моего модельного журнального столика, одни воспоминания, одни ножки! А я ведь столик покупала в „Березке“, не просто так. Красное дерево, вес килограммов сорок. В голову не придет, что таким столиком можно махать, как табуреткой. А этим хоть бы что. Мужик в куртке, тот, что походил на быка, сразу двумя ножками и вмазал гамадрилу. Тот мордой в шкаф, но рычит и лягается. Уголок живой природы. Борьба за существование. Ну, точно, как в зоопарке. Прыгают друг на друга, и все больше молча. Иногда зарычат, но негромко. А потом, я даже не заметила как, этот, который пришел последним, похожий на быка, развернулся и ногой, как Ван Дамм, отбросил гамадрила на подоконник. А подоконники у нас знаете, чуть выше колен. Дом старый, дореволюционный, строился для благородных людей, они подходили к окну и любовались городом. Гостиница для путешественников в прекрасном. Такое ни быку, ни гамадрилу в голову, наверное, не могло прийти... Вот вместе с рамой гамадрил и ушел за окно...»

– О-о-о! – выдохнула Татьяна.

Ее трясло.

Валентин хмуро огляделся.

Мебель разбита, книги растоптаны, под ногами хрустит стекло. В темной прихожей дыра на освещенную лестничную площадку, и в комнате дыра – в пасмурное ночное небо.

– Сквозняк, – тупо сообщил Валентин.

Татьяна нервно хихикнула:

– Сквозняк?

– Ага. Как вы?

– Я-то?... Я ничего... – Татьяна опасливо покосилась на Валентина. Спаситель он или еще один грабитель? И спросила: – А где маленький?

– Какой еще маленький?

– Которого вы дверью зашибли. Он ждал, когда вы откроете дверь. А в руке у него было оружие. Вы, похоже, сильно его зашибли.

– Ну, не так уж сильно, если сбежал, – пожал плечами Валентин.

– А почему звонок все еще верещит?

Валентин усмехнулся:

– Я его зажал спичкой.

– Ну, так выключите!

Валентин послушно шагнул в прихожую и звонок смолк.

Оставайся дверь на петлях, Татьяна, конечно, захлопнула бы ее за неожиданным подозрительным спасителем и бросилась бы к телефону, но искалеченная дверь лежала на полу.

Татьяну вновь затрясло:

– Вы сговорились, что ли? Не дай бог, еще кто-нибудь явится.

– Кто? – быстро спросил Валентин.

Татьяна беспомощно пожала плечами:

– Откуда мне знать?

Валентин успокаивающе подсказал:

– Вам надо вызвать милицию.

– Прямо сейчас?

– Конечно. Только я сперва уйду.

– Почему?

Валентин неопределенно пожал плечами.

Татьяна, дрожа, дотянулась до валяющейся на полу полурастоптанной пачки «Дан-хила», выбрала уцелевшую немятую сигарету, жадно закурила, присев на край дивана:

– А вы то? Вы ко мне шли?

– К вам.

– А зачем зажали звонок?

– Интуиция.

– Знали, что эти тут?...

– Догадался.

– Ладно. Дайте мне придти в себя, – Татьяна глубоко затянулась и выпустила голубой дым. – Как мне вас называть?

– Валентин.

– Это настоящее имя?

– Не все ли равно?

Она пожала плечами:

– А я – Татьяна.

– Я знаю.

– Ага, значит, вы шли ко мне? – повторила она.

– Скажем так, я шел за вами.

– Как это понимать?

– Буквально.

– А зачем вы шли за мной?

– Мы с вами договорились встретиться у метро. Если вы не забыли. Это я звонил вам сегодня.

– Ага. Дошло, – пробормотала Татьяна, медленно успокаиваясь. – Теперь до меня дошло. Вы говорили что-то о двойном убийстве в гостинице... Ну да... А почему вы не пришли к метро?... Я ведь ждала вас... Дождь... – Она внимательно изучала Валентина: – Знаете, у меня такое впечатление, что где-то вас я уже видела... Вряд ли мы встречались... На встречи у меня профессиональная память... Но где-то я вас видела...

– Возможно.

Валентин пожал плечами:

– Наверное, вам надо все-таки вызвать милицию. Лучше сделать это сразу. И, конечно, лучше, если это сделаете вы.

Он хмуро, но со значением глянул в сторону вышибленной двери, потом в сторону выбитого окна.

– Да уж...

Татьяна подошла к поцарапанной, но уцелевшей стенке, в нише которой стоял телефонный аппарат.

– Милиция?... Хочу сообщить о нападении... Да, да... Именно этот адрес... Уже выехали?...

– Уже выехали, – растерянно сообщила она Валентину. – Кто-то уже вызвал милицию. Наверное, видели, как падал... Этот...

Она тоже посмотрела на выбитое окно.

– Тогда извините, – сказал Валентин. – Я вас покину.

– Почему?

– Не хочу встречаться с милицией.

– Но послушайте! Вы же шли ко мне. В конце концов, вы помогли мне.

– Я вернусь позже.

– Когда позже?

– Когда уедет милиция.

Татьяна огляделась:

– А как мне все это объяснить?

– Придумайте что-нибудь. Только не упоминайте про меня. Скажите, что этот тип сам выпал в окно. Наркоман, наверное. Придумайте что-нибудь. Заревел, бросился на вас, а вы успели отскочить. Такую тушу так сразу не остановишь... И подробнее... А мне, правда, нельзя сейчас показываться милиции... Зато мне непременно надо поговорить с вами.

– Хорошо, – быстро сказала Татьяна. – Вы не спускайтесь вниз, в подъезде вас могут увидеть. Вы лучше поднимитесь наверх. Там под чердаком есть мусорная площадка с баком. Обычно туда никто не поднимается, тем более, ночью. А я тут что-нибудь придумаю... – Татьяна сама не понимала, почему она верит этому подозрительному хмурому человеку. – Там на площадке и перекантуетесь. Час или два... Ну, я не знаю, сколько... Как вы думаете, сколько может милиция проторчать у меня?...

Он пожал плечами.

– Не до утра же... – Татьяна, наконец, пришла в себя. В ней просыпалось профессиональное любопытство. – Вам выходить через подъезд никак нельзя, увидят. Раз уж нашли меня, надо поговорить.

Он кивнул.

– Тогда идите.

И спросила вслед:

– Вы вернетесь?

– Вернусь.

Ночь.

Сквозняки.

Мышиная возня в мусорном баке.

«Дождь над Фонтанкой и дождь над Невой...» – вспомнил Валентин. Когда-то эта песня казалась вечной. Она сама была, как печальный дождь, никогда не кончающийся ни над Невой, ни над Фонтанкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.